Ольга Силина

Прибежище

Ольга Силина

Прибежище

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Силина О. П.

Прибежище / О. П. Силина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Она - девушка, пережившая в детстве насилие. Он - юноша, попытавшийся ее спасти, но столкнувшийся с непреодолимыми препятствиями. Спустя много лет они встречаются вновь: он ее помнит, но ее память сокрыта мраком. Путь к близости и раскрепощению нелегок и тернист, но влечение жертвы и спасителя друг к другу все сильнее... Сможет ли каждый из них выбраться из собственной темницы и открыть свое сердце другому? Психологический любовный роман - о жизни, любви и исцелении.В оформлении обложки использована картина Майкла Паркеса "Water Music".

© Силина О. П., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Прибежище 5
Часть 1 6
Часть 2 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Прибежище

Нет ни тропинки над нашею пропастью,
Но ты во тьму шаг за шагом иди.
Может, падём под вертящейся лопастью,
Может, сумеем путь в утро найти.
Ночью ли, вечером в поле затеряны,
«Да» или «нет» слова не говори.
В бликах пожара стоим до последнего –
Может, в конце мы дождёмся зари.

Ксения Спынь «Пролетевшее»

Часть 1
Щелкунчик и зачарованный город

1

Ей снова снится то, что снилось на протяжении нескольких последних лет:

Она бредет по лесной чаще – манящей, живой и прохладной, и то тут, то там поют на разные голоса лесные птицы. Вот сбоку кто-то вспорхнул, вот слева взмах крыльев, а впереди, похоже, силуэт молодого оленя в зарослях…

Но что это за черные юркие тени, мелькающие временами среди общего мельтешения и многоголосья? Они тревожат, но какое-то время их можно не замечать – до тех пор, пока они не заполняют все, все кругом; и звери и птицы куда-то делись, в твоем лесу совсем стемнело, и в этой живой тьме что-то назревает…

И тут среди мечущихся теней появляется, как всегда, высокий седой старик в плаще, хромающий на левую ногу и бережно прижимающий к себе куклу. Видя окружающие его тени, он вздрагивает, роняет куклу и поднимает руки – не то в мольбе, не то в попытке защититься…

Она вдруг становится на мгновение этим стариком – знает, кем является, знает его, но только на то мгновение, которое отделяет ее от пробуждения.

Она просыпается с мучительным ощущением, что только что знала что-то важное, но уже вновь потеряла это знание, оставила его на границе между сном и явью.

Сбоку над ней тускло светит ночная лампа. Поезд – это нелепое место, совершенно неестественное для сна и отдыха, и тем не менее люди пытаются проводить ночное время с комфортом – кто-то спит, кто-то копается в телефоне, кто-то вполголоса разговаривает с соседом…

Нет, так ведь совершенно невозможно расслабиться.

От ночей, проведенных в поезде, у нее всегда болит голова. Она лежит, слушая перестук колес, глядя на отсвет мелькающих за окном фонарей, и просто ждет того момента, когда поезд прибудет к конечной станции. Никаких мыслей, никакого волнения, никаких больше ожиданий… Странное состояние, но лучше уж так, чем все, что она переживала за прошедшие после смерти брата три года. Поезд прибудет к конечной станции – и возможно это значит, что и ее жизнь наконец-то приближается к конечной станции, к какой-то определенности.

Она возвращается домой, не понимая еще, нравится ей это или нет. Возвращается из столицы в маленький, словно забытый временем городок, который терпеливо ждал ее, как оставленный дома кот, ленивый и растолстевший.

2

Ранним летним утром поезд прибыл на конечную станцию. Солнце поднималось над домами, и его косые лучи освещали перроны.

Перед самым выходом из поезда девушка – ее звали Люба, и ей было двадцать лет – испытала наконец волнение, которого у нее не было весь путь. Шутка ли – она даже не вспоминала об этом городе, в котором родилась и провела первые семь лет своей жизни. И не вспоминала бы и дальше – разве что как о забытом долгом сне – если бы не случайный поворот разговора и брошенный затем на карту взгляд.

Она медленно пошла по платформе, с трепетным вниманием разглядывая каждую трещинку на асфальте и плитке, каждый камешек и каждую травинку – пытаясь вспомнить их.

«Вот я и дома, дома», – повторяла она про себя, сходя с платформы и бредя по просыпающимся улицам городка. – «И эту улицу я тоже помню… Я даже помню, как здесь мы гуляли с братом и с родителями, и они купили нам мороженое. А еще у нас была собачка…»

Детство вспоминается не сплошной чередой дней – а такими яркими всполохами, как солнечные пятна на полу в светлый летний день… Кажется, дом у них был на улице с таким смешным названием – улица Тучек. Когда-то она была Сталинской, но потом ее по понятным причинам переименовали. Сталина давно нет – и слава Богу – а вот тучки на небе можно наблюдать практически каждый день…

Люба остановилась посреди привокзальной улицы – невысокая худая девушка с темными волосами до лопаток и по-детски невинным лицом. В руках у нее была небольшая спортивная сумка.

Продавщица из газетного киоска, открывающая витрины, с некоторым подозрением покосилась на нее – эта девушка со своим сонным, рассеянным видом и сумкой в руках выглядела слегка странно, как будто сбежала из психиатрической больницы. Того гляди подойдет с какими-нибудь странными вопросами или еще что-нибудь выкинет…

Но Люба думала о своем, не замечая ничего вокруг. Она думала о том, что ни родителей, ни брата, ни тем более собачки уже нет в живых, а потому она, конечно, может найти дом, в котором они когда-то жили, но толку-то?

И тем не менее, она пошла в сторону улицы Тучек – потому что просто не могла не отправиться туда. Там был прежде ее дом.

3

Солнце было уже в зените. Марина Степановна смотрела сквозь мутное стекло своего окна на расцветающую июньскую природу. Небо голубое, ни облачка… Не пойти ли ей погулять?

Но эта идея была изначально провальной, потому что всем прогулкам она предпочитала одну – ту, которую ей обеспечивала день за днем бутылка коньяка, лучшего, какой только можно достать в этом задрипанном городишке.

Ее сын, который теперь не пьет даже по праздникам (вот глупый мальчишка!), считает, что алкоголь – это просто наркотик, и ничего более. Он долгое время убеждал ее, что она может взять и просто отказаться от него. Еще чего!

Нет, алкоголь – это эликсир забвения, дар свыше. Как хорошо, что он у нее есть, этот эликсир на каждый день… Господь, она была уверена, простит ей этот маленький грешок. Это ведь и не грех даже, а если и грех – у нее была достаточно тяжелая судьба, чтобы иметь право компенсировать ее себе хотя бы так.

За ленивыми раздумьями о том, имеет ли она право на компенсацию – она все же целиком склонялась к тому, что имеет – она не услышала, как ключ повернулся во входной двери.

– Вот и я, – сообщил ее сын – Владимир, входя в квартиру с пакетами продуктов. Поскольку она не любила выходить на улицу, то при первом удобном случае просила его сходить для нее в магазин – или еще куда-нибудь по ее делам. Она ощущала себя капитаном и единственным обитателем судна, которое болтается недалеко от берега, но никогда к нему не пристает – незачем, да и страшно…

Сын практически никогда ей не отказывал, наверное, из чувства вины, что ушел от нее жить отдельно. Вот и правильно – у человека должна быть совесть, а иначе что из него выйдет?

Марина Степановна поспешила в прихожую, чтобы встретить сына.

Глядя на него, она порой удивлялась тому, что у нее – при том, что она уже в молодости прикладывалась к бутылке – появился на свет такой красавец. Как будто даже не ее сын – впору даже самой поверить в аистов или в капусту: высокий, широкоплечий, улыбающийся, с

добрым лицом и веселыми серыми глазами… Марина Степановна была женщиной по-своему реалистичной и осознавала, что в зеркале ничего особенно впечатляющего наблюдать не могла даже в молодости, а значит, это заслуга генов его отца или кого-то из прародителей. Только вот занимается он уже пять лет всякой дурью – ходит по паркам, по школам, больницам, по-дурацки наряжается и выступает перед детьми – одним словом, клоуном по профессии себя считает. Не понимает, что это не профессия, а… посмешище, в общем.

– Такой видный мужчина, как ты, мог бы найти занятие поприличнее, – проворчала она уже в который раз – надеясь, что до него с очередного раза это дойдет.

– И чем, по-твоему, должен заниматься в этом городе видный мужчина? – весело спросил он. Ответ в самом деле его заинтересовал. Не модельным же бизнесом, в самом деле, и не эскорт услугами – ни тому, ни другому в этом городе места нет, а вывод, что видный мужчина должен просиживать штаны в офисе, казался ему нелогичным.

Но оказалось, что у матери именно такая логика:

– Ну, пошел бы работать менеджером каким-нибудь, глядишь, через годик-два стал бы уже директором.

– Просто за красивые глаза? – удивился он ее фантазии. – У меня же даже высшего образования нет.

– Ну, это не важно, по тебе же видно – прирожденный директор! Такой большой, красивый. Посмотрят на тебя – и сразу определят…

Он только рассмеялся, отмахнувшись.

– Мама, брось лучше об этом думать. Дети меня любят, мамы постоянно подходят и благодарят… Это самое большое достижение в моей жизни, по крайней мере, пока что.

– Таким достижением могла бы гордиться разве что домохозяйка, – мать презрительно наморщила нос, как будто сама всю жизнь проработала директором.

Он бы рассердился, если бы не относился к матери уже давно как к неразумному дитя, которому перечить бессмысленно, а спорить и что-то доказывать – совсем уж абсурдно.

– Но я не домохозяйка, – мягко напомнил он. – Я все же профессионал, ты забываешь. Проходил обучение даже, есть диплом.

– Во всяком случае, возиться с детьми – несерьезное занятие для мужчины, – подвела она итог.

– Напротив, очень серьезное! Это ведь подрастающее поколение, с ними надо осторожно и бережно, так что ничего серьезнее нет. А как я девушкам нравлюсь… – тут он позволил себе несколько приукрасить действительность, поскольку этим «девушкам», как правило, было от пяти до двенадцати лет, что сразу сбрасывало их со счетов. Иногда с ним заигрывали разведенные мамы детишек, но что-то всегда удерживало его от этих отношений – то ли нежелание, то ли какие-то странные принципы. Поэтому личная жизнь его не отличалась ни многообразием, ни захватывающими поворотами.

– Девушкам ты и так бы нравился, и без этих кривляний. Ну ладно, сам одумаешься когда-нибудь, – заключила она, закрывая тему – до следующего раза. – Давай продукты… И, кстати, сад наш весь зарос – может, хоть сорняки повыдираешь?

Она продолжала говорить «мы», «наш», хотя он в этом доме не жил уже лет пять, с тех пор, как ему исполнилось двадцать.

– Конечно, – согласился он. – Повыдираю.

4

Улица Тучек представляла собой пешеходную аллею со скамейками и фонтанчиками посередине. Вода в фонтанах шумела, в чашах плескались голуби. Невысокие старенькие здания были покрашены в приятные лиловые и салатные оттенки. Горожане, очевидно, считали

эту улочку весьма подходящей для полуденного отдыха – люди здесь прогуливались, осматривали товары в лавках и сидели, неспешно беседуя, на скамейках. В этом городке, должно быть, никто никуда не спешит – смысла особенного нет… Это не столица с ее шумом и бегом.

Люба стояла напротив одного из этих стареньких зданий, разглядывая его со смешанными чувствами растерянности и ностальгии. Дом номер пятнадцать – это здесь они жили, номер дома остался в ее памяти, как и тот летний день с прыгающей собачкой и вкусным мороженым…

С одной стороны, это был тот самый дом из смутных воспоминаний, а с другой стороны – дом из воспоминаний так и остался в воспоминаниях, словно не имея ничего общего с тем, что она видела перед собой.

Правильно, ты же не можешь войти в одну реку дважды…

Она присела на скамейку перед фонтанчиком, рассеянно глядя на плещущихся в нем голубей и не зная, что делать дальше.

Снять жилье, – возник в конце концов голос брата в ее сознании, – *Если ты в самом деле хочешь здесь для чего-то жить.*

Это не подлежало обсуждению, хочет она здесь жить или не хочет – у нее было отчетливое ощущение, что надо, и все. Оглядевшись, она заметила пожилого полного мужчину, который курил трубку, прислонившись к дверному проему продуктового магазинчика, и решительно направилась к нему.

– Вы не знаете, – начала она слегка срывающимся голосом, – Здесь, на этой улице, у кого-нибудь можно снять комнату?..

Он посмотрел на нее, раскуривая трубку. Обычный пожилой мужчина, в клетчатой синей рубашке, полный, чуть лысоватый, с крупным, вроде доброжелательным лицом и такой же крупной бородавкой на носу, расставаться с которой ее обладатель, очевидно, не желал. Что-то было в нем, тем не менее, неприятное – какой-то чересчур хваткий взгляд, как ей показалось, и про себя она решила – где-то в бессознательном – что не будет ему особенно доверять. Был у нее такой тайный внутренний советник, который подсказывал ей, кому доверять, а кому нет. Если он говорил голосом старшего брата, то его слушаться надо было беспрекословно, но такое случалось редко. Сейчас, к примеру, брата не было слышно, а значит, ситуация не критическая.

– Комнату? – добродушно переспросил он. – Да комнату ты можешь и у меня снять. Вернее, не комнату, а чердак, но он в замечательном состоянии…

– Чердак? – переспросила она.

Звучит, конечно, необычно и даже интересно – ей вспомнилось, как они с братом когда-то в детстве мечтали о том, как было бы классно жить на чердаке.

Только вот нет доверия к нему, и все тут.

– Да, – он снова посмотрел на нее и догадался: – Ты меня испугалась? Да ты брось! Расспроси соседей на этой улице – я здесь давно живу, у меня все на этой улице фрукты покупают… Я известный человек на этой улочке, да и вообще в городе. Пойдем, покажу чердак…

Если человек догадывается о твоем волнении и пытается его устранить, да еще и дает какие-то такие гарантии, то, может, советчик ошибается?

Люба отправилась с хозяином наверх, чтобы посмотреть на чердак.

Это оказалось действительно неплохое, хоть и совсем маленькое, помещение со скошенными стенами – именно такое, какое представляли они с братом в детстве. Здесь только было темновато, но хозяин пообещал сегодня же вкрутить еще одну лампочку. Из мебели был только раскладной диванчик, превращающийся в кровать, и стул – но он обещал притащить также письменный стол, если ей, конечно, нужен. Люба ответила, что не нужен. Если ей понадобится что-то написать, она может и на коленке писать.

– Дешевле поблизости не найдешь, – сказал он, кажется, догадываясь также и о скромных финансовых возможностях постоялицы. – А в другом районе и искать незачем, там сплошное хулиганье живет… Это у нас тут цивильный район… Интеллигенты, можно сказать!

При слове «хулиганье» она немного встрепенулась. Хулиганье – это ей знакомо.

– Хорошо, – решилась она. – Сколько это будет стоить? У меня действительно немного денег…

5

Володя немилосердно выкорчевывал сорняки. Их и правда скопилось столько, что он даже ощутил укол совести, что не заметил этого раньше.

Хорошо еще, что уколы совести не оставляют следов, иначе он был бы уже весь в гематомах, как наркоман. С ранних лет мать успешно втолковала ему, что то, что она пьет – результат стечения обстоятельств: его отец, гад, оставил ее, за дом и продукты платить было нечем, да еще и его, Володю, отобрали у нее за алкоголизм и определили в приют, когда ему было двенадцать лет.

Это он и сам прекрасно помнил – лучше, чем хотелось бы. И до сих пор иногда спрашивал себя, правильно ли он поступил, вернувшись к ней в родной город в восемнадцать лет. Но с другой стороны, куда он мог деваться? Это было даже не вопросом совести, а вопросом любви и жалости. Разбить ей сердце после стольких мучительных для нее лет, не вернувшись из приюта, а написав письмо, что уезжает жить в другой город – да, на такое был способен только законченный гад, по его мнению.

И теперь он уже никуда не уедет.

Он выпрямился и вытер пот со лба, тяжело дыша – под эти воспоминания и размышления сорняки стали у него выдергиваться с чрезмерным усердием.

Что она сама сейчас делает?.. Наверное, припала к «эликсиру», как она называет это пойло. Он кинул взгляд на кухонное окно – и точно, вон, видно, как блестит на солнце рюмка… У нее есть любимая рюмка, и он даже не удивился бы, наверное, если бы узнал, что она с этой рюмкой беседует, когда остается в одиночестве. Он давно научился с относительным терпением относиться к ее алкоголизму, потому что ничего изменить в этом не получалось. У него была хорошая школа терпения в отношениях с ней.

Снова погрузившись в горькие воспоминания, он не заметил, как заросли сорной травы вскоре прекратили свое существование и, когда понял, что работать больше не над чем, с некоторым удивлением уставился на кучу сена под ногами. Последние пятнадцать минут он только выполнял, как заведенный, это нехитрое действие – задумался о жизни, видите ли…

Что ж, если надо еще о ней подумать, то здесь, в этом заросшем диком саду, полно работы.

– Ого, привет! – раздалось приветствие с улицы. Кто бы это ни был, вряд ли он сам будет очень рад его видеть, потому что на этой улице живет только прошлое, навязчивое и саркастично-мрачное по характеру.

Он повернулся и в самом деле увидел за калиткой любопытное лицо своего старого знакомого – одноклассника и соседа Мишки, высокого и худого, курчавого парня, не расстающегося с кожаной курткой даже в тридцатиградусную жару. Когда он приходил к матери, то обязательно встречал кого-то из бывших одноклассников. Они к нему терпимо относились, так же как он к ним, но все же оставалось это неприятное чувство: эти люди видели его в разных неприятных и постыдных ситуациях, устроенных его матерью. То она встречает его у школы в пьяном виде, выкрикивая всякие приходящие на ум глупости его одноклассникам, то отводит в сторонку девочку, которая ему нравится, чтобы нашептать ей на ухо что-то пошлое «о муж-

чинах»… Все эти ситуации – считать и не пересчитать, они вмиг разворачиваются в памяти, как неприятный и постыдный калейдоскоп.

Глядя на него, одноклассники в первую очередь вспоминают те дни… Он это знает, а они знают, что он знает – вот такое молчаливое взаимопонимание получается, как у людей, вместе переживших нечто особенное, незабываемое.

– Привет, – ответил он слегка растерянно, думая об этом специфическом взаимопонимании.

– Что, садоводом заделался? – спросил Мишка, глядя на раскиданное сено. Он сам не помнил, когда последний раз убирался в собственном саду, но, увидев, как это делает другой человек, невольно воодушевился, поскольку в компании был готов даже немного поработать: – Тебе помочь?

– Нет, мать просто попросила тут сорняки убрать. Я уже закончил. А ты откуда, и как вообще дела? – он не представлял, как сейчас живет его бывший одноклассник и друг, и его это действительно заинтересовало.

– Иду из магазина. А дела особо никак, – ответил Мишка. – Как они могут быть… Кое-как живу, и ладно.

– Звучит невесело, – заметил Владимир, вглядываясь в него.

– Ну, может, – тот пожал плечами. – А я не жалуюсь, чего жаловаться.

Только Мишка так мог – сказать много слов, и не сказать ничего по сути о себе и своей жизни. Ни чем он занимается, ни чем он живет, какими идеями и мыслями – ничего… Беда была в том, что никаких идей и мыслей и в помине не было, и жизнь его после школы состояла в распитии разных сортов пива и увлечении различными компьютерными играми. Володе было немного жаль его – но если всех так живущих в этом городе жалеть, то пришлось бы, наверное, ночами не спать.

– Ну, а у тебя как? – спросил Мишка.

– У меня все так же, как в последние годы, – он тоже пожал плечами. – Занимаюсь с детишками, ездим по больницам. Недавно ставили спектакль в областной больнице, слышал, может? Назывался «Приключения в пижаме»…

– Нет, что ты! Я же не ребенок и не инвалид. Но если лягу в больницу, обязательно посмотрю, – Мишка хмыкнул, представляя себе это. – Зайдешь ко мне, выпьем пива? Я тебе покажу свою новую игровую приставку, – с некоторой, хоть и слабой, надеждой предложил он.

Звучало это так, будто им все еще по двенадцать лет – у Володи даже появилось мимолетное ощущение, будто он совершил путешествие во времени.

Он покачал головой:

– Извини, но я не пью.

– Да ладно! – Мишка посмотрел на него, почувствовав себя уязвленным этим открытием – что кто-то в этом городе способен сознательно не пить. – Почему? На мать насмотрелся?

Серые глаза Володи на краткий миг стали серьезными и прохладными.

– Да, на нее. Да и после того, как понял, что сам невыносимо хочу на чем-нибудь сторчаться.

Мишка долго смотрел на него, словно пытаясь разобраться, какие именно чувства вызывает у него этот откровенный ответ, да так и не пришел к определенному выводу. Он вообще не привык думать о том, какие чувства у него вызывает то или иное событие. Поэтому он решил просто отчалить.

– Ну ладно, – неуверенно произнес он. – Бывай. Я пошел.

Махнув ему на прощание, Володя перевел взгляд на дикий и запущенный материнский сад. Немного постояв с рассеянным видом, опершись на грабли, он наконец стал собирать ими выдернутую траву.

В один из таких памятных дней мама, доведя себя до нужной кондиции, сжигала в саду найденные на чердаке вещи своего бывшего мужа – Володиного отца, издавая при этом торжествующие вопли, подобные которым можно услышать разве что в передаче про ритуальные боевые танцы зулусов.

Володя, стоя на крыльце вцепившись в перила, смотрел на это зрелище, бледный и шокированный. Смотрел не только он – все соседи вышли из своих домов и, негромко весело переговариваясь, наблюдали за бесплатным представлением.

– Мама, – он подошел к ней. – Мама, пойдем, пожалуйста!

– Отстань! – взвизгнула она, скинув его руку. – Не приставай ко мне, иди повеселись с друзьями!

Эти визгливые слова – «Иди повеселись с друзьями!», такие бессмысленные и сумасшедшие, долго отдавались у него в голове, когда он, не разбирая дороги, шел куда-нибудь – но не домой, только не домой. Нет у него дома теперь, есть только захламленное и застарелое место жительства с обитающей там безумной и полупьяной женщиной, которую стыдно назвать матерью.

Он долго уговаривал ее бросить пить, вернувшись из приюта в восемнадцать лет, очень долго. В конце концов на месяц она перестала – и он едва верил в это счастье… Но долго это не продлилось. Ей было плохо, и она заставляла его сходить для нее за бутылкой. В конце концов она сказала, что если он не сходит, она покончит с собой. Ему ничего не оставалось делать…

Однажды во время таких бесцельных блужданий он взял пиво в каком-то кафе-баре и сидел с ним в задумчивости. Что это он делает?

Ведь он тоже может пойти по тому же пути… По проторенной и удобно вытоптанной дорожке.

Столбик жидкости и играющие в нем блики напоминали в этот момент на глубокие воды океана, готовые поглотить неосторожного пловца, пустившегося в плаванье в открытое море…

Разве у него нет силы воли, чтобы это остановить? Что толку было уезжать жить от матери – если становишься все равно ею?

И он остановил это.

6

Утром Владимиру приснился кошмар – ему нередко снились кошмары после встреч с матерью, как он ни пытался перенастроить себя на положительный лад. Засыпая на своем старом диванчике в этот раз, он вспоминал с удовольствием последнее концертное выступление, которое им удалось сделать с друзьями в местном рок-клубе – их приняли очень тепло в тот раз. Однако и это не помогло, и в итоге ему приснился сон, в котором он почувствовал, что словно растворился в матери и ее проблемах, словно перестал существовать, став снова частью ее, стал каплей в море – море алкоголя, надо полагать… Это было удивительно неприятным ощущением.

Он проснулся в холодном поту и со смутной бредовой мыслью, успевшей промелькнуть вслед за сном – а что, если бы он однажды проснулся и обнаружил себя, например, ее рюмкой, а не человеком?

Что только не придет в голову в полусонном состоянии…

Приходя в себя, он думал о матери. Жалость с отвращением слишком тесно переплелись в его душе – распутается ли когда-нибудь этот узел?

Только с ее смертью, которая принесет ему страшную боль именно потому, что ничего так и не решилось, ничего так и не распуталось и не стало лучше. Именно это мучает больше

всего, когда он сворачивает в мрачные переулки своей души, в которых чего только не найдешь по теме матери и отношений с ней.

Взглянув на часы, он вынужден был прервать этот поток рефлексии, потому что до его выступления в парке оставалось всего полчаса. Вскочив, он стал поспешно одеваться.

Удивительно помятая после этих снов физиономия в зеркале – нет, такое нельзя показывать детям! Ну-ка соберись и приведи себя в хорошее настроение! – приказал он отражению и заставил себя улыбнуться. Совсем другое дело…

Если вспомнить, например, детский дом, то сейчас все же гораздо лучше. Хорошо быть взрослым…

7

Люба проснулась на своем чердаке рано утром, но долго лежала в полусне, с вялым любопытством прислушиваясь к всевозможным звукам на улице и в доме. То зачирикает птица снаружи, то скрипнет половица в доме, то закряхтит что-то из старой мебели… Ей наконец-таки ничего страшного не снилось – вероятно, бессознательное было слишком озадачено перевариванием произошедших в жизни перемен, чтобы запускать на ночной граммофон пластинки старых кошмаров. Во всяком случае, это вызвало у нее облегчение и даже приступ оптимизма – вот видите, я только вчера приехала, а уже у меня есть улучшения…

На улице уже было оживление – кто-то торговался в магазинчике внизу, у фонтана с визгом бегали дети, гоняя голубей, которые неохотно взлетали и, пролетев немного, садились почти на то же самое место.

Пожилой хозяин дома встал и бренчал посудой на кухне, готовя завтрак – но она не стала заходить туда, спустившись с чердака, а сразу, умывшись в ванной, надела свои туфли, захватила сумку и вышла за порог.

Для начала она решила направиться на прогулку в большой парк, который видела еще вчера из окна поезда и отметила для себя как место, в которое стоит наведаться. Что-то ей вспоминалось также из детства, связанное с ним: какая-то карусель, на которой они катались, тропинки, по которым они бегали с братом, улыбающиеся и счастливые мама и папа, стоящие в обнимку на дорожке парка… Напоминает диафильм, который она хранила бережно, и все же затерла его чуть не до дыр чрезмерно частыми просмотрами, потому что ничего больше ей не осталось.

Это был довольно тихий город – а что тут шуметь, в самом деле? – и, ступая по его узким улицам, она рассеянно подумала о том, что он напоминает ей зачарованный городок из сказки. Городок, где можно найти на свою голову какое-нибудь тихое колдовство… Где можно погибнуть, даже не осознав этого…

Ну что за мысли! Она вспомнила, как в детстве они с братом фантазировали о том, как они будут путешествовать по разным городам, когда выйдут, конечно, из детского дома. Таких «зачарованных городков», наверное, полно по всей планете.

Дойдя до парка, она увидела незатейливые воротца, через которые была видна та самая главная дорога. Люба прошла через ворота и пошла по широкой дороге. Вот здесь стояли родители… Но она ничего не чувствовала по этому поводу. Это был просто кадр, затертый кадр из ее памяти, а свои слезы по ним она выплакала давно.

По обеим сторонам дороги были высажены низкорослые ивы и аккуратно подстриженный кустарник. Слева располагалась детская площадка с довольно древними на вид, облезлыми качелями. Там на скамейке сидели две молодые мамы с колясками, о чем-то негромко разговаривая. Интересно, о чем можно разговаривать в таком маленьком городке? О новостях, виденных за завтраком по телевизору, об отношениях соседки с ее мужем, о детских проблемах?..

Да много о чем… Самое главное, что у них есть родители, дети и мужья, в отличие от Любы, у которой нет никого, теперь даже брата, и это словно отделяет ее теперь от людей стеклянной стеной. Вряд ли кто-либо из них когда-либо ее поймет. В столице это ощущение чем-то приглушалось, а здесь встало перед ней во всей полноте и со всей неумолимостью.

Она отвернулась от женщин и побрела дальше.

Дойдя до перекрестка с чуть меньшей парковой дорожкой, она увидела ларек, торгующий горячими пирожками и кофе, и желудок недовольным урчанием напомнил ей, что завтрака ему сегодня не досталось. Нашарив в сумке пятьдесят рублей, она купила пирожок с капустой, чай в бумажном стаканчике и села на скамейку.

Поначалу она, жуя пирожок, смотрела на небо и на ветки нависшего над скамейкой дерева, но затем ее внимание привлекла находящаяся чуть в стороне площадка, на которой была установлена небольшая сцена. Перед сценой сидели люди – в основном те же мамы с детьми разных возрастов.

На сцене же стоял человек, одетый во что-то вроде костюма пирата – хотя точно сказать издалека было сложно – по крайней мере, состоял костюм из серебристого парика, повязки на глазу и длинного черного плаща. Он с заговорщическим видом показал зрителям совершенно пустой ящик, раскрашенный под сундук для сокровищ, а потом поставил пустой сундук на сцену – и тут же вытащил из него две длинные гирлянды. Маленькие зрители, сидящие на передней скамейке, пораскрывали рты в неискушенном изумлении.

Любе тоже неожиданно захотелось посмотреть фокусы, и она пересела на одну из последних скамеек перед сценой, чтобы не привлечь случайно чьего-либо внимания.

Человек был высоким, выглядел внушительно в этом своем плаще до земли, и у него было веселое и доброе лицо – несмотря на седой парик, было видно, что он еще совсем молод. Он ей сразу понравился, в отличие от толстого хозяина чердака – советник сказал, что ему можно и даже нужно доверять. Фокусы его тоже были интересными. Закончив их показывать, он разделил детей на три команды и устроил конкурс – какая команда надует больше воздушных шаров. Дети по команде принялись их с усердием надувать, что умиляющиеся родители тут же стали снимать на фотоаппараты и телефоны.

Конкурс закончился, прошло награждение победителей, а проигравших – утешительными призами, и в итоге обделенным не остался никто.

Глядя, как дети радостно визжат, обступив этого человека, Люба поймала себя на том, то тоже сидит с застрявшей на лице улыбкой, как будто этот праздник каким-то образом касался и ее тоже. К ним в детский дом тоже приходили клоуны и фокусники с представлениями, и каждый раз для нее это был вот такой праздник, как для этих детишек, и даже, наверное, больший – все-таки у них в приюте развлечений было куда меньше…

К ее сожалению, после награждения представление окончилось. Она сидела на скамейке и немного растерянно смотрела, как воодушевленные и веселые дети вместе с родителями расходятся по домам или по делам. Человек, чье представление ей так понравилось, деловито собирал свой реквизит. Его тут же обступили молодые мамы и надолго заняли каким-то разговором – судя по всему, касательно своих драгоценных чад. Кажется, они полагали, что он специалист по их воспитанию и выращиванию из них счастливых личностей, хотя сам он себя таковым явно не считал. Он заявил им, что знает только одно – чтобы вырасти здоровой и счастливой личностью, нужно много двигаться, гулять и много читать хороших книжек, а «остальное индивидуально». После этого разговор постепенно заглох, и мамочки, поблагодарив еще раз за интересное выступление, удалились.

Она поежилась, как будто ей стало холодно. Когда же закончится это навязчивое желание вернуться для чего-то в детство?

– Здорова! – услышала она хриплый голос и, вздрогнув от неожиданности, обернулась.

К ней подходили бочком два неприметных типа в спортивных костюмах. Один был абсолютно лысый, другой – какой-то совсем непонятный, в спортивной шапке, надвинутой чуть не на глаза, будто он хотел бы и лицо полностью закрыть. Оба были бледными, с синяками под глазами и смотрели на нее с неприятной заинтересованностью.

И что им надо? Она замерла, не двигаясь – ошибочная тактика организма, оставшаяся от предков – если не двигаться, опасность минует, пройдет мимо…

Ведь не думала же ты, что нашла себе прибежище, рай на земле?

Какое-то время предпочитала так думать – и, по крайней мере, некоторое время получалось.

– Хочешь угоститься? – спросил тип в шапке, надвинутой на глаза, протягивая ей маленький открытый бумажный пакетик и заглядывая ей в лицо, явно пытаясь нащупать ее взгляд. Жертве надо посмотреть в глаза и тогда она будет нашей – так он, должно быть, считал, и небезосновательно.

Ей стало тоскливо и тревожно – она нигде не может уйти от таких типов, кем бы они ни были. Женщина-психолог объясняла ей, что они цепляются к ней именно потому, что она ведет себя как *потенциальная жертва*. Но в чем состоит это поведение, она так и не поняла – она ведь просто сидела на скамейке и ровным счетом ничего не делала, чтобы их привлечь.

Она уже думала спросить, что это в пакетике такое – просто из зачарованного любопытства, чтобы знать, чем ее пытаются напичкать.

– Эй, вы что там делаете? – окликнул их фокусник – он, оказывается, еще не успел уйти – подходя к ним ближе. – Отстаньте от девчонки!

В этом длинном бутафорском плаще и с повязкой на глазу он выглядел скорее смешно, чем страшно – и все же наркоманы решили, что очень уж крупный этот тип в плаще и, не тратя больше зря времени, исчезли.

Он, возмущенно глядя им вслед, встал рядом со скамейкой.

Интересно, он тоже к ней подошел, потому что она выглядит как жертва? Психолог говорила, что есть люди, которым очень хочется спасать других – именно тех, кто ведет себя как жертва. Это похоже на такую странную, но занимательную игру.

– Средь бела дня пристают к девушкам! – сказал он, кажется, самому себе.

– Наверное, по мне видно, что я недавно в этом городе, – осмелилась предположить она.

Он посмотрел на нее более внимательно и слегка вздрогнул. Его серые глаза расширились – словно бы от изумления, словно он ее узнал. Затем он отвернулся, хмурясь, и по выражению его лица было трудно что-либо понять.

– Мы уже встречались? – растерянно спросила она. С ее слабой памятью на лица это было вполне возможно – а иначе как объяснить этот его взгляд?..

Он тут же покачал головой.

– Нет… не думаю… Просто ты мне кое-кого напомнила, вот и все. Как тебя зовут?

– Люба. А… вас?

– Владимир. Володя. Можно на «ты», я тебя всего на пять лет, я так думаю, старше.

– А откуда ты знаешь мой возраст?

– Догадался. Тебе ведь двадцать или около того?

– Верно… Двадцать.

Что-то тут было странное. Но его лицо – такое примечательное вроде бы – никого ей не напоминало. На лбу у него небольшой белый след, вроде как шрам – видела ли она такой? Может, да, а может, нет…

– Ты на этот возраст и выглядишь. Не думал, что кто-нибудь по доброй воле приедет сюда жить… Откуда ты?

– Из столицы.

Он недоверчиво покачал головой.

– Невероятно…

– Но я когда-то здесь жила, – объяснила она. – Решила вернуться.

– Да? Вот оно что…

Она заметила странную особенность – временами его добрые глаза становились слегка рассеянными, будто слова собеседника выбивали его на краткий момент из привычной колеи, но затем взгляд снова сосредотачивался

– И каково это, вернуться сюда?

– Не знаю, не могу сказать, – ответила она. – Я еще… толком не вернулась на самом деле. Это ведь не тот город, где я жила, того города больше нет.

Он рассмеялся. Ей понравился его смех.

– Ты права, в одну и ту же реку дважды не зайдешь.

Тем временем небо заволокло облаками, и Володя с беспокойством посмотрел наверх.

– Кажется, пора мне собираться, – сказал он, поднимаясь со скамейки. – Отвлекся я на разговор с тобой, а сейчас ливанет. Ты недалеко живешь? Успеешь добежать до того, как дождь пойдет?

– Да, я живу совсем рядом, на улице Тучек.

– Очень подходящее название. В нашем городе часто тучки, и тебе придется к этому привыкнуть.

Люба рассмеялась.

– Но и солнце тоже иногда светит – я это даже, кажется, помню.

– Это верно…

– Мы еще увидимся?

Этот вопрос вырвался у нее совершенно непроизвольно, будто мозг временно перешел в автономный режим, оставшись при этом в налаженной связи с языком и голосовыми связками.

Он замер на полпути к своей сцене и посмотрел на нее со странной смесью удивления и сосредоточенного внимания.

Некоторое время помолчав, будто не находя, что ответить, он наконец сказал:

– Ну… Я-то здесь всегда в одно и то же время, так что если захочешь увидеться, приходи.

Люба сорвалась со скамейки и быстро понеслась к выходу из парка. Щеки у нее горели. Это же надо такое спросить после первой же встречи…

8

Владимир собрал свои шары, гирлянды, ящик для фокусов, обручи и поспешно запихнул все это в свой фургон. Он был взволнован, и потому перед тем, как ехать, присел на край сцены – обдумать случившееся.

Небо становилось все темнее, и ветерок коснулся листвы над его головой. Он был, пожалуй, даже рад непогоде – по крайней мере, она остужала голову.

Это действительно произошло?

Вот уж не думал, что когда-либо…

Когда-либо встретит ее.

Он помнил ее лицо так отчетливо, как будто это была жизненно важная информация, помнил, как ее звали, помнил ее возраст… Та десятилетняя девочка, которая в приюте стояла в темном чулане… Та девочка, которой он пытался помочь, которая отвергла его помощь. Та девочка, которая осталась в его памяти как самое болезненное и разрушительное, что он вынес в своей душе из того приюта – теперь все это накинулось на него, как будто произошло вчера.

Но что он должен был делать? Этот вопрос ставил его в нравственный тупик. Рассказать ей, каким образом они познакомились и где, разбередив тем самым ей рану? Возможно, она даже не помнит ничего – он где-то слышал или читал, что иногда у жертв насилия целые

эпизоды выпадают из памяти, иногда даже целые года, что все воспринимается ими стерто – словно в полусне. И незачем ей напоминать об этом… Нет, совершенно незачем.

Он поймал в своей душе странное чувство – смутное желание увидеть ее снова вперемешку с тревогой. Что ему-то нужно от нее?..

Это как незатихающая боль, которая проснулась и потребует теперь от него утоления: слышать, что с ней все в порядке… однако знать, что никакого утоления здесь не может быть, потому что в порядке она по определению не может быть.

Возможно, эта встреча была первой и последней… Незачем на это концентрироваться.

9

Люба обошла магазины и кафе на улице Тучек и двух пересекающих ее улицах, спрашивая, не нужна ли где официантка или продавщица. На нее везде неизменно странно глядели и отвечали вежливым «нет». Она подумала, что в следующий раз после такого ответа обязательно спросит, что с ней не так, а пока что будет думать, что в этом городе просто мало рабочих мест.

Она сидела на чердаке тем вечером и разбирала свои вещи из сумки, когда раздался тихий стук в дверь, поначалу напомнивший ей царапанье когтей *(крысы!)*, и она чуть не выронила из рук рамку с фотографией брата, которую собиралась повесить над кроватью – из потребности всегда смотреть на него, видеть его рядом.

Дверь чуть приоткрылась, и это оказался хозяин – уже в другой клетчатой рубашке, но все так же откровенно обтягивающей его пузо. Его редкие нестриженые волосы были зачесаны назад, глазки все так же ласково смотрели на нее.

– Любочка, не хочешь отужинать со мной? Пойдем, я котлетки сделал.

Она едва заметно скривилась, пытаясь оставаться вежливой несмотря ни на что.

Он уже успел за первый же день перейти на уменьшительно-ласкательный суффикс – но так, наверное, все пожилые люди делают по отношению к своим молодым постояльцам… Тем не менее, у нее внутри началась нешуточная борьба. Часть ее истерично заявляла, чтобы она не вздумала с ним хоть сколько-то сближаться, а другая часть твердила, что надо быть взрослой и не обращать внимания на свои детские страхи, комплексы и тревоги. Как еще она сможет доказать себе, что повзрослела, если не путем их преодоления? Поэтому она ответила:

– Спасибо большое… я сейчас приду.

– А… ну хорошо, жду, – он прикрыл дверь.

Она провела по лицу чуть дрожащей рукой. Это тревожное чувство – мысль *(крысы!)* мелькнувшая у нее молнией в голове, так там и оставалась и продолжала бить в набат. *Ну-ка, Люба, соберись. Никаких крыс тут нет и не будет… пока ты сама их не позовешь. А до тех пор они надежно заперты в подвалах твоего бессознательного.*

Вспомнив о рамке, с которой она так и стояла в руках, она повесила ее на стене и, немного постояв перед ней, словно отмечая для себя и для него – *вот, теперь мы будем здесь* – переоделась в более подходящую для дома одежду и спустилась в гостиную.

По таким комнатам всегда заметно, что здесь проживает пожилой человек – помещение было большое, но все заставленное старинной мебелью из темного дерева. На стене мирно тикали старинные часы. На полках шкафов за стеклянными дверцами стояли запыленные статуэтки – собачки, балерины, херувимчики – все те вещи, глядя на которые задаешься вопросом, действительно ли хозяин квартиры хотел их здесь видеть, или держит их просто от нежелания что-либо выкидывать.

И, конечно же, фотографии в старомодных и таких же запыленных рамках. Конечно – у него ведь тоже были когда-то родители… хотя Любе почему-то верилось в это с трудом. Собственно, их тут было больше всего: молодая, но не слишком симпатичная пара – полный

мужчина с мрачным, решительным выражением на лице и женщина с тяжелой бульдожьей челюстью и жидкими волосами, хотя и более веселым, чем у него, взглядом. Люба уставилась на них с непонятными, неопределенными чувствами, не понимая, чем они ее так зацепили, но тут раздались шаркающие шаги – хозяин поставил на стол обед. Он сделал вид, что не заметил, как она разглядывала фотографию – видимо, считал это слишком личным, хоть и выставленным на обозрение – и они уселись за стол.

– Возьми побольше подливочки, – проворковал он.

– Спасибо.

Некоторое время раздавались только звуки поглощения пищи.

– Вы всегда жили в этом городе? – несмело спросила она, нарушив молчание. Ей не нравилось молчать с ним – пожалуй, даже больше, чем разговаривать с ним, поэтому из двух зол она выбрала менее неприятное.

Раз она сама не знает, для чего сюда приехала – значит, наверное, нужно действовать как детектив: опрашивать всех, с кем общаешься, узнавать любую информацию о городе, которая может навести на нужное… нужное что? Она даже не представляла себе, что ей предстоит здесь сделать для себя.

– О да, всегда, – он кивнул с энтузиазмом готовностью поддерживать разговор. – Замечательный город!

– Чем он замечательный? – спросила она.

Вопрос выбил его из колеи, он даже несколько раз сосредоточенно поморгал своими выпуклыми выцветшими глазами, прежде чем степенно ответить:

– Ну, у меня тут магазинчик, как видишь, домик, неплохо живем. Процветаем, можно сказать. Хороший город.

Ей стало немного смешно. Видимо, только этим для него городок и замечателен, а что в нем делается – он вряд ли знает… Он даже про выступления для детей в парке, наверное, не знает и знать не хочет.

Но она тут же одернула себя, не желая ни о ком плохо думать – для пожилого человека, такого, как он, вполне естественно думать только о своем доме и своем деле… Не будет же он рассуждать о каких-то «неясных ощущениях» от города. Это просто место, где он живет.

– Мой отец с Украины, – продолжал хозяин, кивком головы указав на черно-белые фотографии в запыленных рамочках. – Приехал сюда, женился на матери… Я у них единственный был ребенок. Ну вот, а как отец с матерью умерли, у меня бизнес так пошел… – он снова заморгал, осмысливая свою фразу – в ней было что-то не так, но что именно – он не сразу сообразил. – Уж не знаю, как так получилось, но как они умерли – у меня сразу все получилось, – заключил он, пытаясь сгладить это впечатление.

Люба растерянно кивнула, не зная, что на это ответить. Но у хозяина были уже наготове собственные вопросы:

– А ты как сюда попала? Ты не пойми неправильно, у нас тут редко кто приезжает жить. В основном только так, по делам… по бизнесу какому, ну или в гости, а не просто так, из интереса.

Она задумалась, что ответить. Тут уж отвечать правду она совсем не обязана – потому что вряд ли этот человек ее поймет, только напугается, решит, что у нее с головой не в порядке… Еще попросит с вещами на выход, кто его знает, а у нее денег мало, чтобы искать другое жилье.

– Тут жил мой близкий человек. Он мне порекомендовал это место. Сказал, здесь люди хорошие, места хорошие. Вот так, решила приехать… пожить, отдохнуть от столицы.

Вышло даже близко к правде. Все ее близкие люди когда-то здесь жили, да и отдохнуть от столицы здесь можно.

Хозяин странно посмотрел на нее – так же как все те, у кого она спрашивала о работе – и неопределенно угукнул. Было видно, что он ей не очень поверил. Ничего не попишешь, в

это действительно трудно поверить… Но, во всяком случае, это более адекватно звучит, чем объяснение, что ее *просто что-то толкнуло к этому*.

Закончив ужин, она помыла свою тарелку, еще раз его поблагодарила и с облегчением пошла спать. У нее было ощущение, что ей предстоит здесь много работы.

10

На следующий день с утра она снова искала везде работу, и ей снова несколько раз отказали. Спросить, что с ней не так, у нее так и не хватило духу – а что потом делать с ответом, если он окажется шокирующе неприятным? Вернувшись на улицу Тучек, она села перед фонтаном и перекусила снова пирожком, запивая кофе из бумажного стаканчика. В еде она была совершенно неприхотлива, потому что едва различала ее вкус, и аппетит у нее был неважный.

Что же дальше делать? Ее взгляд упал на часы на башенке одного из зданий, и ответ был наготове. Она неожиданно вспомнила, что примерно в это время выступление у Владимира. Почему бы не посмотреть снова на фокусы?..

Если бы кто-нибудь высказал ей предположение, что она влюблена и хочет инициировать с ним отношения, она была бы очень смущена и удивлена, потому что это нисколько не входило в ее планы. Она вообще не представляла себя в отношениях – целующейся, обнимающейся, даже держащейся за руку и не хотела задумываться над тем, почему это так. В каких-то отдаленных представлениях она видела себя через много лет замужем и с детишками, но не представляла, *что* должно произойти между той и этой стадией.

Ей просто становилось теплее, когда она смотрела на этого человека, и потому захотелось увидеть его снова. Что же в этом плохого?.. Так она говорила себе, направляясь к месту представления.

На площадке было, как всегда, полно детворы и родителей. Люба присела на дальнюю скамейку, как всегда, не желая обращать на себя чье-то внимание – а уж тем более его внимание во время спектакля. Вдруг посмотрит на нее и собьется, что-то не так сделает… Такой страх часто преследовал ее, когда она смотрела выступления кого-то из своих знакомых, например, своих приятельниц в хореографическом училище, и она всегда опускала глаза или становилась подальше, чтобы только не встретиться с ними взглядом во время их выступления.

Вскоре появился и сам Владимир. На этот раз он был без плаща – на нем был яркий мешковатый костюм, большие ботинки и яркий клоунский нос. Дети начали повизгивать и нетерпеливо подпрыгивать на своих скамейках, он весело помахал им и двумя энергичными прыжками заскочил на сцену.

Начал он с жонглирования мячиками – сначала с двумя, затем добавил третий и стал ловить их, перекидывая затем как-то хитро – через шею, голову и спину. Затем добавил еще два, а затем вытащил всех пожелавших на сцену и стал учить их жонглировать крупными легкими кольцами, что было для них гораздо проще, чем в случае с мячиками.

11

Когда представление окончилось, Люба очнулась, осознав, что все это время сидела как зачарованная, словно попала в волшебную, теплую и светлую страну. Родители с детьми уже все разошлись, а она все сидела на своей последней скамейке. Собирающий на сцене свои шары и обручи Владимир чуть насмешливо взглянул на нее.

Впрочем, его насмешливость была напускной – на самом деле его сердце болезненно сжималось от ее брошенного вида, так же как оно сжалось, когда он впервые увидел мать после шести лет, проведенных в разлуке. Он ничего не мог поделать со своей неумеренной сострадательностью.

А она, похоже, так и осталась в душе той девочкой? Тем хуже для тебя.

– Если ты так расстроена концом представления, то я могу еще пожонглировать и повытаскивать гирлянды лично для тебя, – предложил он, тем не менее. Когда действия расходятся с намерениями – это про него…

– Нет, спасибо, – она улыбнулась.

– Тогда, может, мороженого?

– Давай, – согласилась она.

Сходив к ларьку, он принес ей эскимо, и она поблагодарила. Некоторое время была тишина. Люба смущенно ела мороженое, а Володя молчал, пытаясь представить себе, с какой ноты тут начать общение – с учетом того, что он о ней знает и того, что она не знает, что он знает…

– Твои родители… живут где-то в другом месте?

Он, разумеется, знал настоящий ответ, но не знал, насколько откровенной она может быть с ним, что и решил осторожно проверить.

И ответ его несколько удивил:

– Да, они живут в столице, так же как и мой брат…

– Понятно…

Она поставила их обоих теперь в трудное положение… А когда она лжет, у нее становится особенный голос – тихий, как у ребенка, признающегося, что это он съел все варенье. Кляня ситуацию, в которой они оказались – и что теперь со всем этим делать? – он задал нейтральный вопрос, чтобы успеть прийти в себя и сообразить, что дальше:

– Сколько ты намерена здесь пробыть?

– Не знаю пока… Я хочу здесь пожить какое-то время.

– Тогда ты, наверное, ищешь работу?

– Да, я ищу ее, но ничего пока не нахожу…

– Неудивительно – в этом городе ее практически и нет…

– Как же здесь люди живут?

– Кто-то живет на пособие или пенсию, кто-то уезжает, кто-то нашел свое место, а кто-то спивается и умирает.

Помолчав, он добавил, чтобы сохранить хоть какой-то оптимизм в этом наброске:

– Но каждый раз, как я делаю представление, и на него приходит толпа детей, я понимаю – город все же живет.

– Вот почему ты выбрал эту профессию?

– В частности, да… А может, еще и потому, что другого пути у меня и не было.

– Ты закончил цирковое училище?

– О, нет… Я самоучка, можно так сказать. Увлекался всякими фокусами, жонглированием еще с детства, любил выступать в школьном КВН… А потом учился несколько месяцев на больничного клоуна, и поступил туда же на работу. Когда не занят в больнице, выступаю здесь, в парке. Здоровых детей ведь тоже надо радовать, не только больных.

– Здорово, что ты нашел свой путь, – искренне сказала она.

– Да, не всем так везет.

Помолчав, она высказала то, что ее продолжало беспокоить:

– Если я не найду работу в ближайшее время, мне придется уехать… Ты не можешь подсказать мне что-нибудь?

Владимир задумался. Было странно слышать от кого-то о перспективе уехать отсюда в таком грустном тоне – обычно отсюда только и жаждут свалить – но раз она так хочет остаться…

– Какое у тебя образование? – спросил он. – Если оно у тебя есть.

– Хореографическое училище.

– Надо же… Так ты балерина!

– Да, по образованию, – смущенно сказала она. – Но в полном смысле, наверное, все же нет. Я только закончила и еще толком не участвовала в спектаклях.

Володя думал о том, что, хотя для него она была просто девочкой-из-чулана, которую он так и не смог забыть – а ведь девочка из чулана выросла, стала взрослым человеком, и как-то пережила все то, что ей довелось испытать. Вон, стала балериной… Она знала, чего хочет, и пошла учиться на эту профессию, невзирая на всю тоскливость проведенных в приюте лет. Невероятно… Хотя что удивляться – он ведь и сам провел там долгие восемь лет, наложивших определенный отпечаток, и тем не менее смог найти свой жизненный путь.

Внезапно на него снизошло озарение. Ну конечно! Одно время у него была такая мысль… Почему ему это раньше не пришло в голову?

– Какая все-таки удача, что у тебя именно такое образование, – сказал он. – Не хочешь стать моей помощницей?

Она непонимающе взглянула на него. Он ее с кем-то путает, наверное…

– Мне такая помощница просто необходима. Это ж будет загляденье, – говорил тем временем Владимир – судя по его взгляду, он уже представлял, как это будет все здорово. – Будешь танцевать, иногда помогать мне в фокусах… заодно и узнаешь, как они все делаются, и, если захочешь, научу.

– Но я никогда не выступала на публике, – слабо возразила она. – Мне это будет сложно! Мне… предлагали партию в «Щелкунчике». Но я отказалась… потому что мне не по душе эта сказка.

– Ты отказалась от главной партии, потому что тебе не нравится сказка? – переспросил он. – У тебя, похоже, совсем нет амбиций… как и у меня. Значит, мы сработаемся!

Она посмотрела на него и неуверенно улыбнулась. Но его оптимизм был вполне заразителен для нее, чего не случалось уже давно – с тех пор как… впрочем, даже не вспомнить, с каких пор. Доверия этот человек заслуживает, с ним можно иметь дело – здесь ее внутренний советчик был совершенно уверен. А танцевать перед детьми, принося им радость – разве плохая работа? Это же замечательно…

– Единственное только – оплата небольшая, сама понимаешь, – предупредил Володя, вспомнив об этом немаловажном факте. – Но зато гибкий график, так что можешь найти себе в свободное время еще подработку. Только… будь осторожна в этом городе, особенно по вечерам. Тут, как видишь, даже днем могут подойти какие-нибудь маргиналы…

Ему хотелось прибавить, что он вообще не рекомендовал бы ей покидать центр города, а начиная с девяти вечера ей лучше сидеть дома, не высовываясь за дверь, но сдержался. Это было бы подозрительно навязчивой заботой.

– Хорошо, – согласилась она. – Буду осторожна! Так когда будем выступать?

– Прямо завтра и начнем.

Она тихо ойкнула, но он рассмеялся:

– Не волнуйся, все не так страшно, как тебе кажется. Это же дети, а не театральные критики, для них твой танец будет чудом! Я сам так помню свои впечатления детства от балета…

– Наверное, ты прав, – согласилась она, слегка расслабившись.

– Конечно, прав!

Они попрощались, и он отправился домой, превозмогая сильное желание всю дорогу оглядываться назад, чтобы смотреть, не подошли ли к ней еще какие-нибудь подозрительные личности, которых надо отгонять.

Все веселье и оптимизм постепенно слетали с него, как шелуха, и осталась только гнетущая тяжесть на сердце.

Итак, ты будешь теперь ежедневно видеться с той, глядя на которую только и вспоминаешь темный чулан и происходившее в нем. С той, с которой тебе приходится делать усилие над собой, просто чтобы ответить ей что-то вразумительное… И не вспоминать прошлое.

Чем же это все обернется для него и для нее? Его мучили мрачные предчувствия, которые он всю дорогу до дома пытался отогнать. Он ведь всего лишь предложил ей помощь, ничем плохим это кончиться не может.

12

Люба же была так воодушевлена и обрадована открывшейся перспективой, что до улицы Тучек долетела словно на крыльях. Найти работу, да еще творческую, по своей, так сказать, специальности – и связанную с детьми! Она и не надеялась, и не думала…

Хотя денег у нее оставалось немного, она все же зашла в магазин и купила коробку шоколадных конфет. Приютский режим питания, при котором на сладкое давали компот или несъедобные, похожие вкусом на мыло шоколадки, навсегда изменил ее предпочтения – сладкое она предпочитала любой другой еде, словно восполняя себе его нехватку.

Забравшись на свой чердак, она устроилась на кровати и набила рот конфетами. Дома никого не было, хозяин торговал внизу, в своей лавке. Перед завтрашним выступлением надо хорошенько настроиться, подумать… Володя сказал приходить в парк пораньше – чтобы порепетировать, подготовиться.

Расправившись с конфетами, она достала из сумки фотографию, на которой были запечатлены они с братом в детстве.

На фотографии были два радостных ребенка – они слегка заговорщически улыбались, глядя в камеру и тесно прижавшись друг к другу, как это часто бывает у дружных между собой детей. Мальчик высокий, темноволосый, с красивыми, хоть и резковатыми чертами лица, улыбающийся. У него не хватало одного зуба, который как раз тогда, в день перед фотографированием вывалился… Девочка поменьше – она по возрасту была младше – с длинными волосами, широким обручем на голове, с более спокойным, чем у него, но тоже счастливым выражением лица.

У нее была привычка подолгу сидеть с этой фотографией в руке – если везло с настроением и оно было достаточно спокойным и мечтательным, со временем она словно «уходила» в это фото, окуналась в него и в некотором роде жила в нем. Впрочем, это всегда заканчивалось разочарованием, потому что впечатление от фотографии, точно так же как ее диафильм с улыбающимися родителями, начинало снашиваться, стираться…

Вспомнив внезапно про свой обман в разговоре с Владимиром, она густо покраснела.

Конечно, она сказала неправду. Люба просто не смогла сообщить ему, что ее родители умерли, что ее брата уже два года как тоже нет в живых, а она сама выросла в приюте. А уж о том, что было в приюте – и подавно не могла и не сможет сказать… Это было ее самой отвратительной тайной, на которую она смотрела сквозь щели между пальцами, как на фильм ужасов, который хочешь, но боишься смотреть.

Обманывать нехорошо, но говорить такую правду – еще хуже. Тот, кто придумал заповедь «Не лги», явно не учел всех возможных ситуаций…

13

Волнуясь, она подошла в парк к назначенному времени и увидела, что Владимир уже надевает костюм – тот же самый, который был на нем в первую их встречу.

Она затормозила, сама не зная, почему.

Кого он ей напомнил в этот момент?

Промелькнуло и исчезло… И так все время. Что же с ее памятью?..

Ей овладело странное желание спрятаться за кулисами и какое-то время посмотреть на него – такого, какой он, когда его никто не видит. Но он, уже заметив ее, дружелюбно кивнул ей – по-своему, кажется, расценив эту попытку спрятаться:

– Ты куда? Не стоит так переживать, это же не сцена Большого театра!

– А ты сам совсем не волнуешься?

– Я? Совсем, – он произнес это весьма убедительно. – Вот, держи костюм… Сегодня станцуешь морячку, раз уж у нас пиратская тема – я включу музыку, и ты порепетируешь. Идет?

– Идет, – слабо отозвалась она.

– Какая молодец! Я знал, что ты очень добросовестная и исполнительная. Иди тогда за перегородку и переодевайся.

Она зашла за расписную передвижную перегородку, разукрашенную в какие-то китайские узоры, и вытащила из пакета добытый Владимиром наряд – белые колготки, пуанты, балетную пачку, шапочку юнги и короткий блейзерок с синей полоской. И где он это достал, интересно? Очевидно, у него есть доступ к складу подобного реквизита…

Володя включил негромко музыку, она подобрала движения и заучила их последовательность.

Тем временем дети и родители уже собрались на площадке перед сценой, и представление началось. Люба спряталась снова за перегородкой.

Володя показал новые фокусы, устроил конкурс, а затем, сделав жест и соответствующее выражение лица – говорящие зрителям о том, что есть еще в запасе кое-что необычное для них – подошел к перегородке и шепотом спросил:

– Готова?

– Готова, – откликнулась она тонким от волнения голосом.

– Все будет хорошо, не волнуйся, – подбодрил он, взялся за перегородку и выкатил ее на середину сцены, а она засеменила следом, стараясь не показываться зрителям раньше времени.

– У нас сегодня в гостях моя помощница! – обратился он к зрителям. – Юная морячка, которая приплыла из далеких стран! Сейчас она для вас станцует – расскажет о своем путешествии с помощью танца…

Он забавным театральным жестом нажал на кнопку на магнитофоне, и Люба при первых аккордах появилась из-за перегородки, изящными шагами вышла на середину и поклонилась зрителям. Когда она взглянула на собравшуюся за это время толпу – уже не только детей и родителей, а и всех любопытствующих, которые прогуливались неподалеку и устремились тоже поглядеть на «юную морячку», ей стало слегка не по себе – на такой аншлаг она совсем не рассчитывала. Но сидящая на второй скамейке компания мам и пап тут же поддержала ее овацией, и в конце концов вся толпа ей приветственно зааплодировала – до людей дошло, что «юной помощнице» необходима поддержка. Слегка подбодрившись и напомнив себе слова Владимира, что это не Большой театр, она начала танцевать, впрочем, стараясь ничуть не меньше, чем старалась бы в Большом театре.

Хотя в Большом театре она, наверное, хлопнулась бы в обморок, едва выйдя на сцену, и до стараний бы дело не дошло…

Владимир одобрительно, с некой даже гордостью посматривал на нее, и она почувствовала, что этот взгляд ее поддерживает и придает сил. Она сосредоточилась на этом ощущении и станцевала в итоге так, что, пожалуй, и ее преподаватели были бы ей довольны и, наверное, не сделали бы никаких существенных замечаний.

Она закончила свой танец изящным прыжком и тут же поклоном. Толпа вновь зааплодировала, одобрительно зашумев. Две девочки лет десяти в хорошеньких платьях, сидящие на первой скамейке, смотрели на нее с таким восторгом, что Люба поняла – так же, как и она когда-то, они впечатлены до глубины души и уже мечтают, наверное, стать балеринами. Она

не была уверена, что хочет быть чьим-либо кумиром и примером для подражания, но чувства девочек можно было понять. Еще раз поклонившись и улыбнувшись зрителям, она сбежала за кулисы.

Володя продолжал показывать фокусы, и она смотрела их уже вместе со всеми, присев на край сцены. Быть на виду – не так уж и страшно. По крайней мере, сегодня пронесло, а еще много таких выступлений впереди… И что же, неужели она каждый раз будет так волноваться?

Он закончил через пятнадцать минут, но остался еще на какое-то время, чтобы научить паре карточных фокусов особо любопытных мальчишек, не желающих оставлять его в покое. Когда их наконец увели их мамы – настаивая на том, что пора обедать, а не разучивать карточные фокусы – Володя тоже стал собираться.

Люба нерешительно подошла к нему и протянула аккуратно сложенный костюм.

– А, это? Оставь пока себе… Еще пригодится. Ну что? – улыбнулся он. – Было страшно?

– О нет, почти не было!.. Это было так здорово… Они так все удивились и были рады! – она рассмеялась, чувствуя теперь еще больший душевный подъем – когда можно обсудить это с ним.

– Да, я тоже это почувствовал… Значит, мы с тобой хорошо сработаемся! – он позволил себе прикоснуться к ее плечу, но тут же отдернул руку, пожалев об этом.

Живое, теплое… слишком больно, слишком напоминает темноту в чулане.

Ну да, она ведь живая, а не кукла какая-нибудь, в конце концов. Похоже, ты слишком давно не общался с девушками.

Я слишком давно не общался с девушками, которых не смог вовремя спасти от неприятного и страшного.

Она сама не хотела принять твою помощь, а их было много.

Это неважно. Я не спас ее, и это уже навсегда.

Порой то, что ты не сделал вовремя, связывает тебя с человеком покрепче, чем сделанное, не так ли?

Это единственное, что нас с ней связывает! И она этого не знает – наверное, все к лучшему.

Заставив себя прекратить этот бредовый мысленный диалог, он поднял взгляд. Люба смотрела на него, кажется, смущенная не менее, стоящая в неловкой позе – хотя для них, балерин, неловкие позы это практически образ жизни. Тем не менее, вот последствия этого простого дружеского жеста… Никаких прикосновений.

– Что ж, – бодро сказал он, – Завтра станцуешь танец бабочки? У меня есть и для этого костюм, а музыку подбери сама.

– Хорошо, – ответила она.

Он возился с передвижной загородкой, складывая ее, чтобы унести. Наступила пауза – выступление они обсудили, но уходить ей, похоже, не хотелось. Наверное, ей хочется обычного человеческого общения, которого ей пока не хватает – ведь она никого еще толком не знает.

– Хочешь еще прогуляться и поесть мороженого? – задал он ожидавшийся, кажется, вопрос.

– Да… Это ведь будет не свидание? – неожиданно спросила она, смутившись.

Он рассмеялся. Какое простодушие!

– Господи, нет, конечно!.. Но если захочешь, можно назвать это и свиданием.

– Нет, извини, не хочу…

– Вот и славно. А то я уже не помню, что на свиданиях принято делать, давно их у меня не было… Вот поговорить – это можно.

А стоило бы ей сказать «да» – и было бы свидание, – промелькнуло у нее в голове. Ну и ну… Свиданий у нее еще не было, но она надеялась, что и не будет в ближайшее время. А

потом она как-нибудь незаметно выйдет замуж и станет мамой нескольких детей – все будет в свое время, но не сразу.

14

Так потекли дни ее странной, но интересной новой жизни в этом городке – она выступала в роли балерины и помощницы на представлениях, также потихоньку под его руководством стала изучать самые простые фокусы и жонглирование. Хоть у нее и не было охоты переквалифицироваться из балерины в циркачку, ей это было интересно и любопытно, как основы волшебства. Конечно, ей было далеко до него в части природной ловкости рук, но она была старательной ученицей.

В свободное же время она гуляла по городу или лежала на своем чердаке, читая книжки, которые хозяин любезно разрешил ей брать из шкафа в гостиной. По большей части это были классики, которых она и так уже читала, но попадались в шкафу и незнакомые, манящие своей непознанностью книжки.

Это все мишура, – говорил ей голос бессознательного – тот самый, который приказал ей приехать сюда – в те моменты, когда она не была занята ни чтением, ни работой. – *И ты знаешь, что ты просто заполняешь время этой мишурой, но ты не сможешь в конце концов в нее сбежать – даже не надейся.*

Но что она должна делать? Эта загадка была все еще загадкой, не пуская ее дальше. Да ей и не хотелось ее сейчас разгадывать – хотя в ее снах снова понемногу начинали мелькать тревожащие тени, днем ей было хорошо. Ну, или нормально – и это уже само по себе было положительным изменением. Владимир был не прав: в этом городке определенно светит солнце, вне зависимости от погоды… И она постарается, сколько сможет, смотреть на день, а не на ночь с ее кошмарами.

Самым хорошим, что с ней случилось, был Владимир, хотя она не совсем понимала, что к нему испытывает, да и что испытывает он к ней – в отношении чувств других людей ей чаще приходилось гадать, чем улавливать их. Иногда он общался с ней после представлений, угощал мороженым и гулял с ней по тропинкам парка – но чаще все же сразу уезжал, потому что у него было еще много дел, а может, не хотел с ней на самом деле долго общаться. По крайней мере, ее иногда грызло такое необоснованное, но гнетущее подозрение – что он старается отчего-то держаться от нее подальше и не хочет с ней вести разговоров, кроме как на спектаклях и репетициях. Еще у нее возникало временами странное ощущение, что ему тяжело с ней говорить, и это совсем уж сбивало ее с толку, потому что она не понимала, в чем причина. Что-то в ней не так?

Внутренний голос услужливо подсказывал, что о чем бы они ни общались, самого главного – ее истории – он о ней не знает, а значит, все эти разговоры в некотором смысле без толку, и конечно с ней все не так…

Может ли это стать препятствием для отношений? Например, в любовных отношениях, наверное, приходится рассказывать о себе всю правду. Хотя, судя по тому, что она читала в любовных романах и видела в кино, как раз таки в любовных отношениях люди менее всего склонны говорить правду. А в дружеских? Наверное, тоже, так что никуда не денешься… Отношения требуют правды – а значит, придется обойтись без отношений.

Не слишком сосредоточенно думая над этим, она сидела у шкафа в гостиной и выбирала книжку на ближайшие часы. Сегодня у нее был выходной, потому что Владимира временно перекинули на срочный проект, какой-то детский праздник. Было четыре часа дня, солнечные лучи лежали на полу, прозрачные занавески чуть трепетали, делая комнату старого холостяка чуть более изящной, а часы на стене тихо, равнодушно отсчитывали время.

Открыв книжку со странным, а потому и привлекшим ее названием «Сказки дурынды» (что бы это значило?), Люба села на диван и наугад выбрала одну из сказок. Она была совсем коротенькая – не сказка, а скорее притча, и называлась «Король и серая мышка». Люба не могла пропустить сказку с таким названием.

В сказке говорилось:

«Жил-был один Король. Он был сильным, добрым и прекрасным, но несколько рассеянным и забывчивым и делал свою работу не особенно тщательно, так что все дела за него делала работавшая у него министром женщина – его правая рука, скромная и трудолюбивая, но серенькая и незаметная, и потому в народе ее прозвали мышкой. Никто не знал, что Король, тем не менее, уже давно, с молодости, тайно влюблен в нее и имеет с ней отношения, потому что она напоминает ему его мать, которая тоже всегда делала за него всю работу и во всем помогала и выручала».

Люба прыснула. Хорошенькое начало, очень психологичное… Так что же это за «дурында» их написала? Решив потом посмотреть имя автора или редактора, она стала читать дальше:

«Король никак не хотел признать их отношения перед публикой, потому что показаться с такой невзрачной женщиной было бы неприятно для его тщеславия, и он показывался только с красивыми и хорошенькими фрейлинами, которых, однако, совсем не любил.

Однажды серая мышка серьезно заболела. Болезнь могла окончиться для нее смертью. Король был очень взволнован этим. Он сказал мышке, что она может просить у него все, что захочет – лишь бы это поддержало ее и помогло ей вылечиться.

И сказала серая мышка: «Ваше Величество, я хочу, чтобы вы признали меня перед всеми вашей, нисколько не стесняясь. Если я умру, то умру тогда со спокойной душой, как ваша супруга, а не безвестная любовница». Король долго мучился, раздумывал, но страх перед ее кончиной пересилил – и он согласился. Серая мышка пошла на поправку, и в назначенный день, когда Король решил представить ее как свою невесту, она явилась на площадь перед дворцом – но в накидке с капюшоном, которую обещала снять, только когда Король провозгласит свое решение.

Итак, Король, как и обещал, объявил, что женится на министре – серой мышке.

Серая мышка, услышав эти слова, наконец откинула капюшон. Увидев ее, Король лишился дара речи, так же как и вся публика – серая мышка была обрита налысо, передние зубы у нее отсутствовали, а на лице красовались безобразные длинные шрамы.

«Теперь, дорогое Ваше Величество, – сказала она, страшно улыбнувшись, – Я вас достойна, потому что так же заметна, как Вы. Я более не серая незаметная мышка». Народ ахнул, и некоторые стали даже потешаться над королем и его супругой.

Таким образом мышка отомстила Королю за долгие годы невнимания и нежелания признавать ее своей супругой – и исчезла навсегда из его жизни».

На картинке справа были изображены стоящие перед публикой высокий красавец Король и женщина в капюшоне, которую он пока еще радостно держал за руку.

Дочитав сказку, Люба некоторое время ошеломленно раздумывала и смотрела на картинку. Ничего подобного она никогда еще не читала.

Что-то знакомое для нее в этом было – не лучше ли иметь шрамы, чем быть никем и никакой, жалкой серой мышкой?

Она хотела, как и собиралась ранее, заглянуть в начало и посмотреть, кто же автор этой незабываемой истории, но ее внезапно сморило, и она, решив посмотреть попозже, легла головой на диванную подушку – и сама не заметила, как задремала. Она просто смотрела на занавески, и постепенно вся обстановка все больше и больше становилась призрачной и замутненной, и в конце концов все исчезло в спокойном сне.

Ей снился добрый и прекрасный, хоть и несколько рассеянный, Король, а она сама была серой мышкой – мышкой, которая скрывала свои шрамы до поры до времени. И когда она подошла к Его Величеству, чтобы откинуть капюшон и показаться ему такой, какая есть, она внезапно сильно испугалась чего-то неведомого, таящегося под собственным капюшоном – она больше не была собой, вместо нее было нечто темное, отлитое из живой тьмы. Она была теперь мышкой, или крысой – неважно, суть здесь все время одна. Темное, маленькое, плотоядное…

Она проснулась в холодном поту, цепляясь за подушку. В комнате было темно, а на нее был накинут плед, очевидно, заботливой рукой хозяина.

Тебе нужно поговорить с ним, произнес далекий, исчезающий голос.

Нужно пригласить его на свидание… ой, то есть, на встречу.

15

Ближе к утру, когда солнечный свет проникал в комнату и подсвечивал танец пылинок, ему снился сон, полный детских воспоминаний. Шкаф из темного дерева, где он нашел книги, затянувшие его в новый, неведомый мир… Особенно он любил, как и многие мальчишки в его возрасте, книги о путешествиях и приключениях. Запах старых книг, их пожелтевших, манящих в другой мир страниц, и солнце через прозрачные занавески – светит таким далеким ностальгическим светом, как будто оставшимся там, запертым в его детских годах… Те же самые пылинки, витающие в воздухе. Он читал что-то про корабль, про морское путешествие, сидя прямо на полу перед этим шкафом из темного дерева…

Представляется в солнечных лучах блистающее море. Синее бесконечное небо… И белый кораблик. Как в стихотворении Лермонтова про белый парус… Привкус какого-то беспокойства. Морское путешествие, такое волнительное и далекое…

Чуть позже, лежа на диване и глядя прищуренными от солнечного света глазами на лежащую рядом книгу, ее желтые страницы, глядя на имя автора, он впервые, кажется, ощутил привкус вечности, как на старых маминых фотографиях.

И она ему не понравилась, эта вечность и ее мерзкий запыленный вкус. Он не хотел бы ощущать эту вечность. Наверное – если так подумать – смерть неплохая штука, хотя бы разделяющая эту самую вечность, как знак препинания… А если правы индусы, и жизней много – то и знаков препинания много, и тогда уже все не так плохо.

К чему все эти смутные размышления во сне?..

Что-то такое оставлено в детстве… К чему больше никогда не прикоснешься – и чего никогда больше при этом не забудешь. Тогда все воспринималось совсем по-другому.

И все же иногда он словно ловит отблеск солнечного луча на морской волне, проходя мимо белоснежной стены дома или ощущает дуновение морского ветра, глядя на шумящие на ветру сосны вечером… И тогда кажется, что все дальнее и прекрасное еще ждет его впереди.

16

Будильник прозвенел в десять. Подскочив с постели, она привычно сделала по ускоренной программе зарядку, умылась, оделась, взяла костюм и побежала в парк. Конечно, она уже привыкла к сцене в парке, и ей даже понравилось, но потому ли у нее так радостно стучит сердце? Нет, не потому… а потому, что сегодня она пригласит его на встречу.

Владимир был снова в пиратском образе, в котором она его видела при первой встрече. Очевидно, его вдохновляла морская тематика более всего. Исполнив новый танец морячки, который она сама придумала, она отошла в сторону и села на краю сцены сбоку. Владимир предложил детишкам свою пиратскую игру – разбил их вновь на команды, раздал искусно

состаренные карты, на которых были схематично изображены окрестности площадки, и повел их искать сокровища. Родители тоже двинулись послушной вереницей, дабы присматривать за своими шаловливыми чадами.

Одна из команд, состоящая из мальчишек, вела себя особенно активно, распихивая других. В какой-то момент он сделал им предостерегающий жест, и его лицо, как показалось Любе, исполнилось мрачного, напугавшего ее выражения – он действительно был похож на вышедшую из древности, приплывшую на корабле по волнам фигуру вроде Летучего Голландца. Разве не бывает в жизни чего-то настоящего, захватывающего? – подумала она, глядя на него. Для него самого это, очевидно, способ на какое-то время уйти от реальности в другую, красивую и загадочную страну, как это было в детстве, как это у детей и бывает. Что сделало его таким?.. Впрочем, если она будет расспрашивать его о детстве и прошлом, ей придется проявить и ответную откровенность, а это опасно раскрытием правды.

16

Закончив пиратский праздник традиционно – раздачей шоколадных медалек – Владимир с сожалением объявил, что некоторое время представлений проводиться не будет, потому что он будет очень занят с командой больничных клоунов, у них будут проходить мастер-классы с заезжими артистами. Дети были огорчены, да и большинство родителей тоже – все же это так было удобно – прийти и отдать свое чадо под присмотр заботливого аниматора, а самим в это время общаться и отдыхать.

Любу эта новость тоже опечалила. Значит, еще какое-то время ее помощь ему не понадобится.

– Ты чего пригорюнилась? – спросил он весело.

Она посмотрела в его смеющиеся серые глаза – точнее, один серый глаз, потому что второй был закрыт повязкой – и невольно улыбнулась тоже.

– Просто не думала, что наши представления временно прекратятся.

– Ну, это не значит, что мы не будем работать. Я тебя никуда не отпускал! Пойдешь со мной на эти мастер-классы? Ты там тоже многому научишься, если захочешь.

– Пойду, конечно!

– Вот и отлично.

Откуда у нее взялось столько энтузиазма? Прямо какой-то неведомый источник радости.

Впрочем, на этот вопрос сразу возник и ответ, который она невольно – под действием радости – высказала вслух.

– Ты мне нравишься, – сказала она – и не сразу осознала, что эти слова произнесла именно она, и никто другой. Ей даже захотелось оглядеться, чтобы увидеть обладательницу этого голоса, посмевшую первой признаться мужчине в симпатии.

Он тоже не сразу понял, что она такое сказала, и в удивлении уставился на нее.

– Ну… Я очень рад слышать… Нравлюсь просто как человек, ты имеешь в виду? – уточнил он, решив, что это требует уточнения на всякий случай.

– Да, просто как человек, – прошептала она.

– Понятно, – кивнул он.

Она с отчаянием собралась с мыслями – что же делать дальше? Она ведь собиралась, кажется, позвать его на встречу! – и сказала:

– Давай вечером сходим куда-нибудь, погуляем? Мне совсем не с кем… Совсем никого нет из знакомых, кроме тебя и, ну, хозяина дома…

– Скоро появятся знакомые, не переживай… Но давай погуляем. Это будет свидание? – он весело подмигнул, напомнив ей ее же недавний вопрос.

– Нет, будет просто встреча. Никаких свиданий! – тоже шутливо ответила она.

– Как скажешь.

17

Володя шел вечером к дому своей матери. Он был рад предложению Любы о встрече, но опять что-то тревожно свербило в его сознании – *что выйдет из этого?*

Он начинал с нарастающим удивлением замечать во время их встреч, что не одну только жалость испытывает к ней – оказывается, с ней интересно говорить, она мила, добра и умна, ее улыбку хочется видеть вновь и вновь и, отправляясь домой, он продолжает думать о ней. Она уже не была для него только девочкой-из-чулана, нет… И он думал о ней слишком часто для рабочих отношений.

Но что делать с этим ее обманом? Это такая тяжесть, не позволяющая вести себя спонтанно, говорить все что вздумается, расспрашивать ее о прошлом…

Рано или поздно она сама все расскажет, когда у нее будет больше к нему доверия. Она ведь его пока совсем не знает – из-за того и не рассказывает.

О, да ты ведь совсем не против, когда тебе что-то не рассказывают. Только здесь это невозможно, потому что ты уже все знаешь.

Немного задержавшись в саду дома матери, он задумчиво посмотрел на ярко-розовый закат, реющий за кустами.

Пусть обманывает и дальше – так бы ты сам решил, только дай тебе волю.

Внутренний голос был, как всегда, настроен скептически относительно как самого Владимира, так и перспективы их общения.

Его размышления прервались, когда он шагнул в дом. На первом этаже было непривычно тихо, тогда как обычно у мамы работает телевизор.

А вот и она сама – лежит на полу, свернувшись калачиком, как бездомная дворняга… Он, сдавленно охнув, бросился поднимать ее.

Все это бесполезно и бессмысленно – навещай он ее хоть каждый день, она будет вот так напиваться и валяться на полу. И, тем не менее, он все равно будет приходить, поднимать ее, и наводить порядок в доме, и приносить ей продукты, потому что он должен вообще-то с ней жить и следить за ней. И медленно загибаться самому, развлекаясь перечитыванием книжек из своего детского шкафа… Пока что у него получается избегать этой обязанности и жить отдельно от нее, но сколько еще будет получаться? Наступит момент неизбежности, когда это призовет его, и он переедет.

Сколько раз он мысленно сравнивал ее с чемоданом без ручки и тут же ругал себя за это… (это ведь твоя мать, а не какой-то там чемодан!)

– Мама! – он потряс ее за плечи. – Просыпайся! Пора вставать…

Это и правда была сильная степень опьянения даже для нее – она с трудом разомкнула глаза и промычала что-то – кажется, что хочет пить и чтобы ее не беспокоили. Ничего оригинального, в общем.

Подняв ее на руках – поскольку она была очень расслабленной и вялой, захват потребовал усилий – он отнес ее в кресло и принес, набрав из кувшина на кухне, стакан воды. Горечь разливалась у него внутри, отравляя его мысли, как всегда в таких ситуациях. Конечно же, он звонил ей час назад – и ему казалось, что она вполне прилично разговаривает… Она умело притворяется трезвой до какого-то временного предела, после которого просто вот так валится на пол и засыпает.

Может, ей доставляет тайное удовлетворение дремать на досках? Крестьяне, например, любили свою землю – а она очень любит свой дом, его родные доски. Она вообще в принципе любила свою собственность, коей считала и своего сына. «Разве я родила тебя не для того, чтобы ты мне теперь помогал?» – однажды совершенно искренне спросила она, и он не знал,

что ответить. В самом деле, для чего она его родила, с какой идеей – это ей виднее, но если так, то лучше бы уж не рожала.

Издав неподражаемый звук, выражающий одновременно удовлетворение достигнутым состоянием и мучение от него, она открыла глаза. Минуты через две она потребовала таблетку аспирина, а потом, испустив дрожащий вздох, удобнее устроилась в кресле и приготовилась вещать мудрые и прекрасные истины, которые открывались ей на этой стадии.

– А-а, пришел… – теперь это было уже похоже на сцену прощания умирающего прародителя со своим отпрыском. Уж не собирается ли она прочитать завещание?

– Мама, – терпеливо, почти ласково начал он, – Когда это прекратится? Скажи, сегодня какой-то особенный день? Ты совсем не в кондиции.

– Я очень даже в кондиции, – сказала она, собравшись с силами. – *Как раз в той кондиции*, в какой хотела быть и к которой стремилась. Просто мне одиноко, потому я и пью, разве ты не понимаешь?

– О Боже… Начинается… Я же звонил тебе!

– И что? Мне нужно живое, теплое человеческое присутствие…

– Тогда почему бы тебе не выйти замуж? – потерял он терпение.

Она с укоризной посмотрела на него вместо ответа.

– Когда я жил здесь с тобой, и было вполне теплое мое присутствие, ты пила не меньше, – припомнил он.

На ее лице появилось драматическое выражение.

– Ну, ты же помнишь, когда тебе было двенадцать…

– О-о! – воскликнул он, не сдержавшись, не в силах это больше слушать. – Это же было… когда мне было двенадцать.

– Тем не менее, это было так, – сказала она с убежденностью человека, который давно уверовал в непреложный факт и не собирается изменять своих убеждений. – Именно когда тебя забрали у меня на шесть лет, я пережила… все муки ада.

Он молчал. На это ему всегда было нечего сказать, и она это знала. Что же касается его чувств, то они мало кого интересовали.

– Подай-ка мне флакон, – пробормотала она, чуть дрожащим, скрюченным пальцем тыча в сторону бара.

– Нет, мама, – сказал он. – Я отведу тебя в кровать.

Она не особо сопротивлялась и дала себя увести от бара. Маленькие победы каждый день – можно и так сказать…

18

Он хорошо помнил тот летний вечер, казавшийся таким же затхлым, как остальные летние вечера в этом городе – и с таким же легким привкусом безумия, как будто в любой момент у кого-то может съехать крыша. Ему было двенадцать лет, и он проводил время преимущественно за чтением приключенческих книг, которые давали возможность уйти подальше от реальности. Иногда его звали на улицу, и он играл с другими ребятами в войнушку или в казаки-разбойники. Но в последнюю такую встречу Мишка-сосед предложил напасть на девчонок, что Володя решительно отверг – и теперь они были временно в размолвке.

Поэтому в тот вечер, когда пришли из службы опеки, он просто сидел на перилах крыльца с книжкой «Дети капитана Гранта», в которую просто влюбился с первых страниц, и болтал ногами. Его всегда необъяснимо тянуло к морю и ко всему, связанному с ним.

– Опять читаешь, – презрительно сказала мать, выходя на улицу. – Ну скажи, какой от этого в жизни прок?

Он только пожал плечами, поскольку сам не знал, какой может быть «в жизни прок» от чтения приключенческой литературы. Однако лучше уж было так проводить время, чем жить как мама, под вечное бормотание телевизора и с периодическим прикладыванием к бутылке. Он чувствовал, что в этом есть что-то совершенно неправильное.

Иногда ему случалось тосковать по образу «хорошей мамы» из рекламы хлопьев на завтрак – которая крутится на кухне в фартуке и всегда ласково улыбается, но этот образ был не менее призрачным, чем образ капитана Гранта. Когда мать была трезвой, случалось и с ней то, что называется нормальным материнским поведением, но, к сожалению, все реже после того, как отец ушел к какой-то молодой продавщице и уехал с ней из города.

В тот период он закончил читать про приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна, двух очень самостоятельных и свободолюбивых мальчишек – и постепенно в его голове все больше мелькал образ ничем не ограниченной свободы… Мысль уйти из дома была для него запретным плодом – он не хотел причинять такую боль матери, конечно – но, тем не менее, она временами крутилась на периферии его сознания, набирая обороты и расцвечиваясь все более привлекательно.

Он решил даже как-то поговорить об этом со своим другом-одноклассником Максом – у Макса всегда было свое, интересное мнение на любой счет.

Макс втайне писал стихи на последних страницах школьных тетрадок – это был его секрет, его собственный тайный мир, и ему лично не требовалось никуда сбегать. Но он выслушал своего друга со внимательным и каким-то сердитым выражением на лице, после чего сказал:

– Ну, не знаю. У меня как-то сестра убегала, они с мамой поссорились из-за чего-то… Ее потом наказали, не выпускали из дома. А куда ты сбежишь? Разве тебе есть куда?

– В другой город. А оттуда… – Володя задумался. – Пойду просто бродить, неважно, куда. Было бы здорово найти бродячий цирк и стать акробатом, например. Или просто найду какую-нибудь подработку. Должна же быть какая-то работа для меня!

– Ну ты придумал! Это же просто *авантюра*, – Макс удачно ввернул слово, которое было последнее время его фаворитом. Он очень любил эффектные слова.

Володя задумался. Авантюра или нет, а иногда казалось, что сама жизнь толкает его к тому.

Он помнил одно утро, когда был близок к этому – когда встал рано, вышел в гостиную и посмотрел на заснувшую в кресле мать, ее обрюзгшее потолстевшее лицо, след от слюны на щеке… Жалость и отвращение снова безнадежно смешались, и их было уже не разделить, они шли неразлучной парой, как девочки-санитарки из стишка. Он вновь представил себе, как собирает в рюкзак вещи, выходит из дома и садится на поезд… И уезжает к неведомой, безусловно прекрасной свободе.

Было летнее ослепительное утро, и ему, как и много раз уже бывало, привиделся белеющий в синеве моря парус и крики чаек… Может, и это его ждет. Главное – сделать шаг…

Но он его не сделал. Он был несвободным человеком, всегда был – несмотря на свой ум, жизнерадостность и деятельность.

А в тот же вечер явились они – высокий суровый мужчина и худощавая, морщинистая женщина, оба в деловых костюмах, что довольно странно смотрелось на их улице. Эти двое появились у их забора и дергали калитку, безуспешно пытаясь войти – мать не любила гостей и сделала хитрую задвижку.

– Это кто еще такие? – проворчала она, выходя на крыльцо и с подозрением глядя на пришельцев. – У меня задолженностей по коммуналке нет в этом месяце. Сектанты, что ли?

Володя снова пожал плечами. Он с любопытством смотрел на гостей.

– Служба опеки, – сухо представилась женщина, показывая документы, когда мать наконец впустила их.

Мама схватилась за сердце – еще один ее излюбленный жест – но они не обратили на это, естественно, никакого внимания.

Годы, проведенные в приюте, были, конечно, мучительны – он мечтал сбежать от этой жизни, а попал просто в другое заключение. В то же время он увидел ту самую другую жизнь – неважно, понравилась она ему или нет, она была просто другая. И когда это время закончилось, он, хоть и стосковался по матери, думал над тем, чтобы навестить ее, пожить с ней – и после этого уехать куда-нибудь… Куда угодно. Мир ждал его – весь мир, и даже столица не предел – его ждали все неведомые и загадочные страны, которые он сможет объехать, все далекие города, моря и порты, при мысли о которых замирало его сердце…

Но все закончилось, когда он добрался до своего города и вошел в родной дом. Там, в гостиной перед телевизором, сидела неузнаваемая для него пожилая женщина. Она встала с кресла и, спотыкаясь, поспешила к нему, после чего упала ему на грудь, дохнув перегаром – он едва успел ее подхватить и усадить обратно в кресло.

Покрасневшие слезящиеся глаза, серая кожа, беспорядок, ужасный запах в доме… И все же это его мать, единственный родной человек. Он смотрел на нее, чувствуя, как все его мечты о путешествии превращаются в прах (а ведь разве не предчувствовал ты это где-то в глубине души, еще когда шел к ней?).

– Ты больше никогда меня не покинешь? – прокаркала она, вцепляясь в него. – Нас теперь никто из этих сволочей не разлучит, правда?

Он медленно, оцепенело кивнул. Да, больше не покинет.

Сзади с глухим стуком закрылась входная дверь – и больше уже не откроется, как крышка гроба.

С тех пор она говорила, что сильно запила именно в те одинокие годы, что пережила много горестных ночей и так и не смогла оправиться от потери своего ребенка. Она говорила, что в те дни у нее «село» сердце, и хваталась за него, когда дело принимало нежелательный для нее оборот. Она говорила, что если он покинет ее и уедет, она сопьется и умрет, она полезет в петлю, она…

Она всегда могла рассчитывать на его жалость даже и без этих угроз.

19

Когда Володя шел домой, его тихо окликнули из зарослей кустов около одного из домишек, мимо которого он проходил. Он знал, чей это был дом, поэтому сразу догадался, кто это – его бывшая девушка, Оксана, с которой у него были теперь дружеские отношения.

А почему она шепчет, а не говорит? Да потому, что у нее очень строгий отчим, который совсем не пьет, не в пример матери Володи, зато регулярно ее поколачивает за всякие провинности, несмотря на ее уже немалый возраст. Когда они встречались, Володя пару раз сцеплялся с ним по этому поводу, но кончилось это тем, что Оксана сама упрашивала его «не влезать в ее жизнь».

– Привет, пират! – сказала она. – Давно как-то тебя не видно было. Посидим на скамейке?

– Хорошо, но только недолго. Намаялся я сегодня…

Они пробрались через заросли туда, где была ее секретная скамеечка – здесь отчим не увидит ее из окна. Оксана уселась на нее, закинула ногу на ногу и закурила. Предложила ему – с той же слабой надеждой, с какой Мишка предлагал ему поиграть в приставку, но он отказался.

Она была среднего роста, с черными волосами и светло-зелеными глазами – в общем, на вид настоящая молодая ведьма. Он порой удивлялся, почему начал с ней встречаться – такой типаж ведь совсем не в его вкусе… Наверное, просто не терпелось почувствовать любовь или хотя бы что-то приблизительно похожее, да и ей тоже. А теперь эта ошибка висит над

ними прямо как метка: эти два идиота вообразили, что смогут быть вместе и превратили в скандальное недоразумение целый год своей жизни.

– Ты занимаешься этими выступлениями с таким увлечением, как будто у тебя в жизни больше ничего нет, – сказала она. – Хоть бы заходил проведать.

– Ну, ничего больше и нет… Группа еще есть, с которой играл, но последнее время и с ними редко вижусь… И, конечно, мама – она занимает много моего времени, ты же знаешь.

Он чуть не сказал зачем-то, что теперь есть еще и девушка, которая, кажется, хочет проводить с ним время по вечерам, но все же промолчал. Люба – это отдельная тема, вовсе не для всех. Кому он вообще мог бы о ней рассказать со всей откровенностью – он не представлял себе. Он хранил ее секреты, а заодно и свои, и никто не должен был ничего знать.

– Да, знаю, – кивнула она в уверенности, что все о нем давно знает. – Давно вас не было видно на концертах, действительно. Почему перестали играть?

– Просто я понял, что это никому по-настоящему не интересно. Как не соберешься с ними – все превращается в пьянку. Вот детям – все интересно…

– Да-да, тебе обязательно нужна толпа почитателей… Теперь получил ее? – Оксана пыталась острить и подкалывать, но получалось сегодня совсем не смешно. Она раздосадованно затушила сигарету и сложила руки на коленях.

– Получил, – согласился он, улыбнувшись. – А ты что такая злая? Любви и ласки не хватает?

Это была уже колкость в ее сторону – она же сама разорвала их отношения, по собственной инициативе. Теперь эти события чрезвычайной важности растеряли свою эмоциональную составляющую – она потухла и ушла, оставив лишь твердое знание, кто кого оставил и по какой причине. Оксана заявила, что ее не устраивают отношения «с мало зарабатывающим и ни к чему не стремящимся мужчиной» – ей нужен был тот, кто спасет ее из этого города, увезет отсюда – на белом коне или на иномарке, не важно.

Местные богатеи ее, однако, не прельщали – каждый раз она находила в них что-то отталкивающее и находила повод не иметь с ними отношений. Периодически здесь бывали заезжие бизнесмены, и она время от времени пыталась кого-нибудь подцепить, но все равно оказывалась каждый раз недовольна избранником. Такую игру можно было продолжать бесконечно, и пока что ей, по-видимому, не надоело. Володя наблюдал за этим с нарастающим год от года удивлением – неужели нельзя уже определиться в приоритетах?

– Любви и ласки не хватает, – раздраженно согласилась она. – Не хочешь обеспечить их мне? Вон там кусты вроде густые, никто не заметит.

– Нет, спасибо, – он, не выдержав, поморщился. – Оксана, это вульгарная шутка, особенно для тех, кто раньше все же… любил.

– Любил? Да брось, ты не в меру романтичен.

Выяснять, кто кого любил, а кто кого не любил, было слишком поздно и бессмысленно.

Оксана – очень прямодушная и откровенная девушка… А недостатки есть у всех. Так он себе говорил, не желая осознавать, что недостатки могут сильно различаться по степени вредоносности и токсичности для окружающих.

20

Надев свое лучшее летнее платье, Люба сбежала вниз по ступеням. Хозяин, смотревший телевизор на диване, посмотрел ей вслед. У него был взгляд как у домашнего раскормленного кота, увидевшего мышь – сытый, но все же заинтересованный. Эта мышь от него не уйдет.

Щеки ее горели, сердце учащенно билось от волнения. Это ведь всего лишь встреча, дружеская встреча – уговаривала она себя. Никаких свиданий, как она сказала – а он с ней согласился. У них, можно сказать, уговор.

Увидев его, она немного успокоилась и улыбнулась – он ведь все такой же… Такой же, как на их ежедневных встречах. Не будет же он нападать на нее с поцелуями или с чем-то еще таким…

Он и правда не собирался нападать на нее, а лишь слегка шутливо поклонился, улыбнувшись – мол, добрый вечер, мадемуазель, хорошо выглядите. Она поддержала его шутку и сделала реверанс.

– Это, можно сказать, главный проспект нашего городка, – сказал он. – Так что ты правильное выбрала место… Здесь для тебя будет безопасно.

– Я просто здесь жила в детстве, – сказала она. – Даже помню эту улицу.

Он слегка прикрыл глаза, будто ему нужно было на чем-то сосредоточиться.

– А этого магазина здесь еще совсем недавно не было, – сказал он, оглянувшись на магазин с вывеской «Товары из Москвы и Петербурга».

– Там много хороших магазинов, в столице… Может, оттуда есть действительно интересные вещи.

– А я думаю, что всякая ерунда… Но, может, ошибаюсь. Не хочешь заглянуть, посмотреть? – предложил он.

Люба, пожав плечами, кивнула.

Они зашли. Колокольчик над дверью мелодично звякнул, и старушка за прилавком, оторвавшись от газеты, посмотрела на них поверх очков.

– Здравствуйте, – доброжелательно сказал он.

– Здравствуйте, что-то конкретное вас интересует?

Он покачал головой:

– Нет, нам просто стало интересно, что у вас продается.

Старушка, временно потеряв к ним интерес, вернулась к газете.

Люба скользнула взглядом по рядам секонд-хенд одежды и обуви и заинтересовалась полкой с безделушками, свечками и статуэтками – самым ходовым товаром в праздники, когда надо сделать подарок человеку, которого совсем не знаешь. Она не была большой любительницей украшений для интерьера, потому что у нее не было того интерьера, который она считала бы заслуживающим украшений, но ее привлекла одна из статуэток – юная балерина в позе *attitude* с Щелкунчиком в руках.

Люба, приблизившись, смотрела на нее, и продавщица, оторвавшись от газеты, по ее виду определила, что назревает покупка.

– Всего-то пятьсот рублей, – заметила она.

– Пятьсот? Это же дорого! – возмутился Володя.

– Это статуэтка из Петербурга, – многозначительно сказала она. – Культурная столица, все-таки.

– Из Петербурга – это, конечно, все меняет… – согласился он. – Хочешь, я куплю ее, Люба? Для меня пятьсот рублей – пустяк, а для тебя, наверное, будет дороговато.

– Нет, спасибо, – покачала головой она, улыбнувшись. Фигурка вызвала у нее противоречивые чувства, а вовсе не желание заиметь ее. Есть такие вещи, смотреть на которые какое-то время нравится, а себе их не хочется.

Они прогулялись по центру, а на обратном пути зашли в небольшое кафе – согреться и отдохнуть. Люба, опять же из любопытства, заказала глинтвейн, который никогда не пробовала. Слово «глинтвейн» ей нравилось – оно изящно скользило, прокатываясь по языку. Владимир не стал следовать ее примеру и заказал себе черный кофе.

– Просто никогда не пробовала, – смущенно объяснила она. – Но когда я заказываю алкоголь без особенного повода, чувствую себя алкоголичкой. Ты не подумай… я редко.

Володя невесело улыбнулся.

– Не переживай – будь ты алкоголичкой, это было бы заметно. Я бы такое не пропустил.

– А ты совсем не пьешь? – спросила она.

– Совсем, – подтвердил он.

– Почему?

– Моя мать пьет, и я мог бы составить ей компанию. Лучше не рисковать, я так думаю. Слишком уж хочется иногда выпить.

Люба посмотрела на него с сочувствием. Он так откровенен с ней…

А как насчет твоей откровенности?

Словно прочитав эту ее мысль, он задал вопрос:

– А твои родители не беспокоятся за тебя?

Он сам не мог бы сказать со всей определенностью, зачем спрашивает это, зная, что ее родители давно в гробу. То ли оттого, что надо поддерживать иллюзию незнания ее прошлого (раз уж она в нем не признается), то ли оттого, что как-то подозрительно было бы не спрашивать ни о чем, не интересоваться ею… а может, он на самом деле извращенец, любящий наблюдать, как люди врут и что-то придумывают? Ведь ложь – это та же самая альтернативная реальность, в которую иногда хочется заглянуть.

В глазах у нее появилось на некоторое время растерянное выражение (какая милая девочка, она же совсем не умеет врать – пронеслось у него в голове), и она пробормотала:

– Ну, вроде бы нет… Почему ты улыбаешься?

– Неважно… – он провел рукой по лицу, пытаясь стереть улыбку. В самом деле, разве эта ситуация хоть немного смешна?

21

Провожая ее до дома, он задумался над сакральным вопросом всех первых свиданий: хочет ли она, чтобы он поцеловал ее, и их отношения перешли грань дружеских? Ну, вряд ли… Она, конечно, улыбается ему так радостно и вообще ведет себя как влюбленная девушка, но лучше с ней не делать скоропалительных выводов…

А хочет ли он сам ее поцеловать? Возможно; она такая милая и трогательная в своей попытке все скрывать… даже в попытке скрывать такое значимое, такое сокровенное.

Итак, они подошли к ее дому в сгустившихся сумерках, и она вполне ожидаемо сказала, что ей понравилась прогулка. В ее глазах был какой-то смутный призыв, который она сама, похоже, толком не понимала…

И он, повинуясь ее призыву и своему порыву, наклонился к ней, чтобы поцеловать.

Она тут же отшатнулась, испуганно прижавшись спиной к двери своего дома. Он увидел совсем близко ее глаза – потемневшие, широко распахнутые, как у животного на пороге скотобойни. Безотчетный страх… Есть практически непреодолимые вещи, как ты ни старайся – ему ли об этом не знать. И наверняка у нее много таких непреодолимых вещей.

Он почувствовал, как его самого затопляют горечь и тяжесть, испытанные в том чулане, да так и оставшиеся в нем навечно.

Два сломленных человека, тянущихся друг к другу… Ведь она не обязана была отвечать ему взаимностью. Ему стало крайне неловко.

Он поспешно отошел от нее и, ласково пожелав ей спокойной ночи, как будто ничего не было, повернулся, чтобы уходить.

– Володя! – крикнула она ему вслед. Что-то похожее на полузадавленное отчаяние сквозило в ее голосе.

Он повернулся к ней:

– Да?

– Я не… ну…

– Давай забудем. Ничего не было. Просто мне показалось… но это неважно.

Но она только покачала головой и опустила взгляд, рассматривая плитки тротуара. Она не хотела ничего забывать, и это было важно, по ее мнению.

– Спокойной ночи, – повторил он еще раз, уже тише.

– И тебе, – отозвалась она.

Люба смотрела ему вслед уже без того сильного испуга, задумчиво, как будто встретилась в учебнике с задачей, которую еще не решала. Это и в самом деле была задача, которую она еще не решала – мужчина, который не стал к ней приставать потому, что она не хотела. Но если бы он хотел ее поцеловать, то поцеловал бы, наверное – обычно же с этим не церемонятся… Впрочем, ее никто еще не целовал, поэтому познаний у нее нет. Значит, не особенно он хотел. Она не знала, радоваться этому или печалиться, и с таким сумбуром в голове пошла на чердак, считая ступеньки под ногами.

22

Владимир шел по темной улице домой, слегка пошатываясь от усталости и владеющих им эмоций – денек выдался тот еще.

Он был в самом деле влюблен и ничего не мог с этим поделать.

Ты ведь живой человек, в конце концов.

Она всегда для него особенная… но не в этом же смысле.

Что ж, похоже, что теперь и в этом тоже. Разве не здорово, что есть теперь кто-то особенный для тебя?

Он стал вспоминать Любу – как она танцевала, как разделила с ним радость его работы, как бесхитростно и в то же время скованно отвечала на его вопросы… В ней было столько прелести и милых черт, сколько он не видел ни в ком и никогда. И как он не заметил их ранее?

Однако через разгоревшуюся эйфорию влюбленности все сильнее проступало осознание сложности положения. Перепуганный взгляд, недомолвки, секреты… Так смотрят только те, кто только и ждет, что с ним случится страшное – должно быть, так она себя чувствует по жизни.

Даже если его чувство взаимно, сближение будет непростым – он это отчетливо понимал.

Когда же она решится все ему поведать?..

Он почувствовал смутно знакомое по матери чувство ответственности – он ведь должен теперь помогать ей. Это стремление кого-то вытаскивать из беды – спасать, ухаживать – слилась с его личностью незаметно и неразделимо, как проникающая эрозия.

Влюбленность влюбленностью, а усугублять ей страдания было бы безответственно. Поэтому если чувств у нее нет – он, естественно, оставит ее в покое и задвинет свою влюбленность куда-нибудь подальше. Но как же не хочется думать о таком развитии событий…

За этими противоречивыми рассуждениями на фоне учащенного сердцебиения он добрался наконец до дома и облокотился о дверь. Он был ранен, но эта рана была самым прекрасным, что с ним случалось за последнее время.

23

Он снимал квартиру вместе со своим школьным другом Максом вот уже шесть лет, и у них был налаженный быт, распорядок и распределение обязанностей. Он знал, что его друг еще не спит в такое время, как и многие представители богемы – и точно, тот сидел на их маленькой кухоньке, употреблял вишневую наливку и мучился над очередным стихотворением.

Вообще-то родители Макса хотели для него другой жизни – они были не последними людьми в городе, его отец владел крупным торговым центром и кинотеатром и хотел, разумеется, поставить старшего сына наследником своего дела. Для начала родители намеревались

оправить его учиться в столицу, но он чисто из упрямства отказался, хоть и мечтал уехать – но хотел он уехать на свободу, а не учиться по их указке на неинтересную ему специальность. Стать тем, что они из него пытались слепить – нет уж, лучше выбиться самому и приехать в столицу уже известной личностью – по приглашению радио или телевидения, например… Конечно, это были мечты, но ничего слаще них не было для него.

Тогда родители ему перекрыли финансовый кислород, и он стал в ответ искать не слишком обременительную подработку, чтобы продолжать жить и писать стихи. Все это было нелепо и смешно, но такова была жизнь – абсурдна и смешна.

Володе легче, как считал Макс – он же артист по натуре, такой жизнерадостный, ладящий с людьми. А вот ему, Максу, все дается тяжело, с преодолением себя.

Стихи Макса действительно были хороши – от них веяло чем-то загадочным, непостижимым, казалось, что каждая строчка скрывает в себе нечто большее, чем просто удачное сочетание слов. Но проблема была в том, что Макс света белого видеть не хотел, кроме своего творчества – он просиживал над своими стихотворениями целые ночи, поскольку это был целый мир, принадлежавший только ему, и ничто ему не мешало погружаться в себя. Днем же он довольно неохотно занимался своими низкооплачиваемыми подработками. Владимир же считал, что хотя любое творчество важно и полезно для души, не стоит игнорировать другие стороны действительности, и часто старался вытащить своего друга в свет – на встречу с друзьями, концерты и прочие увеселительные мероприятия, считая, что тому это пойдет на пользу. Однако как бы тот ни пытался веселиться, в глазах у него была одна тоска, одна пожирающая его с потрохами потребность – вернуться домой и *писать*, не отрываясь.

24

Владимир первым делом отправился умываться холодной водой в ванную. Остудив свой лоб и свои мысли и немного постояв, облокотившись на раковину, он присоединился наконец к другу на кухне.

– Ты поздно, – заметил Макс и испытующе посмотрел на него – он как чувствовал, что что-то изменилось. Но Володя отвернулся, пряча невольную улыбку. Так же как с Оксаной, он не хотел выставлять это на обозрение – это сокровенное и нежное чувство, которое не переживет насмешек и назойливых вопросов.

– Да, решил прогуляться – хорошая ночь сегодня. А ты что делаешь? – он посмотрел на раскрытый ноутбук.

Обычно Макс обходился без него во время творчества, потому что предпочитал записывать стихи на бумагу.

– Вот, решил прочитать про средства художественной выразительности, статью для школьников… А то даже школьники их знают, а я, хоть ими регулярно пользуюсь, не знаю, – в тоне Макса были саркастические и какие-то даже слегка истерические нотки – видать, что-то у него не получалось. Чтобы поэт стал читать про средства художественной выразительности, пытаясь разобрать стихотворения по винтикам – это надо дойти ему до крайности, очевидно.

– Почитай, вот, например, про гиперболу, – Макс сделал жест рукой и откинулся на спинку стула, предвкушая развлечение.

Усмехнувшись, Володя заглянул через его плечо, прищурился и прочитал:

– Гипербола – разновидность тропа, основанная на преувеличении. Пример: «реки крови», «море смеха»…

– А это звучит все вместе неплохо, правда? – сказал Макс. – Реки крови, море смеха. Пожалуй, украду у них это.

– Годится только для какой-нибудь эпатажной чернухи, – возразил Володя. – Я лично не стал бы такое писать.

– А ты когда-нибудь вообще что-то писал? Я не помню такого.

– Однажды было, кажется, еще в детском доме. Начитался поэтов и решил себя в этом деле попробовать. Просто никому не показывал… Правильно делал – недавно нашел эти шедевры и снова порадовался, что не показывал.

– Может, покажешь сейчас?

– Категорическое нет! Даже не проси, – Володя с улыбкой прошел к плите и поставил чайник. – Ты тонкая, поэтическая натура, тебе нельзя это показывать – заснуть еще не сможешь после такого.

– Нет, с тобой сегодня точно что-то не так, как всегда! – Макс с подозрением смотрел на него.

– Это точно, что-то совсем не так…

– Так в чем дело?

Володя вздохнул и покачал головой.

– Не спрашивай, я пока ничего рассказать не могу.

– Какие-то тайны у тебя…

– Бывает и со мной такое, – согласился он.

Они выпили кофе, думая каждый о своем, и Володя решил, что пора ложиться спать – все же в одиннадцать утра мастер-класс в больнице, который они долго готовили.

Он собирался уходить, но Макс его окликнул.

– Послушай, – его лицо стало на удивление серьезным, и Володя понял, что сейчас будет что-то важное. – Тебе никогда не казалось, что наш город… ну… как-то отделен от окружающего мира? Не случалось пугаться, что однажды выйдешь за его пределы – и попадешь не туда, куда направлялся, а в какую-нибудь другую вселенную? Или обнаружишь, что окружающего мира не существует… А то, что мы видим по телевизору – просто сигнал из другого мира.

Володя посмотрел на него с изумлением. Это было какое-то неприятное переживание, которое и у него временами бывало, но окунаться в него вновь он не хотел.

Он медленно покачал головой:

– Надо тебе просто меньше пить наливки, и не будет тогда диких фантазий…

– Да послушай!.. Я же вижу, что тебе просто не хочется говорить об этом… Так было или нет?

Владимир склонил голову и прищурился, вспоминая:

– Ну ладно – было пару раз… Но тебе не кажется, что во всех провинциальных городах у людей бывает такое мироощущение?

– Ну не знаю… Это надо тогда жителей всех провинциальных городов опрашивать…

– Да, много времени опрос займет.

– Но мы с тобой даже ни разу не были в столице, – гнул свое Макс. – Тебе не кажется это странным? Как будто город держит нас…

Володя покачал головой:

– Я же все-таки уезжал в двенадцать лет…

– Ну да, конечно, очень далеко – в областной детдом.

– Тем не менее, это было! Да и в душе я путешественник, и когда-нибудь осуществлю свою мечту.

Макс хохотал так громко, что соседи снизу начали стучать чем-то по батарее.

– В душе путешественник! – проговорил он. – Ну, разве что в душе.

Володя только улыбнулся, не обижаясь на друга. Он прекрасно понимал, что никаких возможностей уехать куда-либо у него не было – и пока не предвидится. Он закрыл эту тему своей жизни, просто смирился, как смиряется, например, прикованный к коляске инвалид с тем, что полноценная физическая жизнь ему будет отныне недоступна.

Его мысли перекинулись на Любу. О чем бы он ни думал и ни говорил, кончалось все одним – ее милым образом, от которого одновременно становится сладко и тяжело, а счастье густо перемешивается с непонятной тревогой…

24

Во сне *он так же мастерски владел хореографией, как Люба, и они танцевали вдвоем на большой пустой, темной сцене.*

Им и не нужен был никто больше – они были вдвоем в этой упоительной темноте и танцевали только друг для друга под музыку, которую слышали только они…

Сцена была чуть припорошена снегом, но воздух был пронзительно чист и ясен; музыка крутилась, уходя в упоении под своды театра, а они были на таком эмоциональном подъеме, что…

…не замечали ни того, что становится все темнее, ни того, что атмосфера как-то меняется – звучат лесные трели, темнота начинает клубиться не то дымом, не то туманом, а вокруг появляются ловкие, юркие тени, заполняющие все – и рука Любы наконец выскальзывает из его руки, потому что так и должно быть, потому что она не для него, и он не смог ни помочь ей, ни вылечить ее…

Он в отчаянии пытается вернуть ее и удержать, но его самого поглощает густой белесый туман, через который он ничего не может разглядеть.

И он просыпается, разом вспоминая бессилие и горечь, душевный надрыв, испытанный когда-то в темноте чулана.

25

Люба поднялась к себе на чердак, села на кровать и рассеянно посмотрела на фотографию брата, одиноко висящую на голой стене. Это была ее икона, но сейчас она не смогла молиться.

Как они с братом появились на свет – она, конечно, примерно представляла себе. Родители, вне всяких сомнений, и целовались, и занимались *этим*… Этим странным делом. Но у нее самой при мысли о поцелуях и вообще близких отношениях возникала тошнота, и что-то внутри выворачивалось наизнанку, как будто она снова в детском доме, и ее заставляют пить горячее молоко с пенками.

Он все же пытался поцеловать ее! Значит, она ему нравится…

Но как же быть?

Если Володя ничего такого больше не захочет, это к лучшему. Лучше ему даже найти другую девушку. Но почему тогда так обидно?..

Она вспомнила свою преподавательницу хореографии, которой ученицы дали прозвище Старуха; Люба же про себя называла ее ласково Старушкой, потому что была очень привязана к ней. Старушка была единственным человеком, которому она доверилась и рассказала хотя бы частично, что с ней случилось в детском доме.

Вот бы позвонить ей и спросить совета, как поступать…

Но если она позвонит ей, то ее опять заест тоска по этой пожилой женщине, которая так ее опекает. Появится желание вернуться под ее крылышко, танцевать дальше в кордебалете, следовать во всем ее советам и наставлениям…

Нет, она решила сначала приехать сюда и разобраться в себе. Ее влекло это место – то, где были истоки всего, где она появилась на свет, где они с братом играли, строя свой удивительный мир на двоих; где жили родители, в конце концов…

А может, это было просто банальное бегство?

Здесь тебе не надо ничего делать, не надо бороться с собой, не надо бороться с другими за право быть собой, не надо вообще ничего…

Но теперь, когда она, похоже, все же влюблена… теперь напряжение нарастает – и уже не оставляет ее. В ее тихом раю снова нагнетается атмосфера.

Ее взволнованный внутренний монолог был прерван хозяином, который подкрался незаметно к ней, что было странно для человека его комплекции и веса, и ласково проворковал:

– Любочка, пойдем ужинать? Я сегодня приготовил тефтельки с пюре. Ты вон какая худенькая, надо кушать больше.

Она обернулась, испуганная, и несколько секунд его разглядывала в упор.

– Нет, спасибо.

Ей не нравились слова, которые говорил этот человек, его ласкательные суффиксы, его чавкание во время еды, его недоговорки и взгляды искоса.

Он состроил расстроенное, скорбное лицо.

– Но я так старался, готовил на двоих… Думал, ты не откажешься. Куда же мне теперь столько еды девать? Не расстраивай меня…

Она помолчала, борясь с собой, со своим отвращением.

– Хорошо, спасибо… Я приду.

Последний раз… Потом она попросит его больше не готовить на нее, не тратить еду.

Она спустилась, неохотно села за стол и, съев пару тефтелей, больше в себя запихнуть не смогла. Ей не хотелось, и все.

– У тебя есть молодой человек? – спросил он неожиданно.

Что-то заставило ее ответить:

– Нет.

В самом деле, у нее не было молодого человека – у нее был человек, в которого она влюблена – теперь она могла это признать перед самой собой – но совершенно не знает, что с этим делать.

– Правильно, такой молоденькой девочке, как ты, пока незачем связывать себя отношениями с кем-то, – кивнул он с видом знатока вопроса.

У него, наверное, нет ни дочери, ни внучки…

Ей совсем уже не нравилось, как вел себя за столом этот человек – чавкал, с явным удовольствием вытирая руки о собственную рубашку, и вообще был с каким-то неприятным сладострастием поглощен едой. Однако она была слишком терпелива, чтобы уйти из-за стола после того, как совсем недавно за него села.

– Что ж ты не притронулась даже? – он через пять минут поднял на нее взгляд, заметив, что она как сидела, так и сидит, больше не занимаясь едой.

– Я не могу, спасибо, – сказала она. Ей кусок в горло не лез в его обществе, так что она уже решила вежливо поблагодарить и подняться к себе – но он неожиданно встал из-за стола вместе с ней, вытирая руки о рубашку.

Впрочем, это всегда неожиданно.

Она всегда заранее ощущала себя побежденной. Психолог, наверное, сказала бы, что это и есть поведение жертвы. Она честно пыталась преодолеть это, но получалось редко, вот потому к ней такие типы и подкатывали – они всегда ощущают, что с ней у них есть неплохой шанс.

И когда он подошел к ней, отступившей в угол, к комоду с запыленными рамочками и статуэтками, к горлу у нее подступила тошнота, ей стало дурно, перед глазами потемнело.

Нет, нет, нет!

Он безошибочно определил еще с первых минут общения с ней, что особенного сопротивления не будет. Она именно из таких, как ему надо – из покорных… *Покоренных* некими внутренними или внешними обстоятельствами. В случае судебного разбирательства можно

будет сказать, что она не сопротивлялась, а значит, сама этого хотела… А она и отрицать не сможет, потому что зашуганная, застенчивая. С такими легко. Однажды он уже зажал такую девчонку, снимавшую у него чердак – и все было хорошо, и ему понравилось. Она потом сразу съехала от него, но, похоже, никому так и не проболталась об их маленьком удовольствии… Стыдно ей, видать, что попала в такую ситуацию. Вот и хорошо, что стыдно.

Но когда он преодолел первый Любин протест – поднятые руки, которые он тут же опустил обратно – и расстегнул молнию на ее кофте, до него дошло, что что-то идет не так, как всегда.

Обычно девчонка хотя бы как-то испуганно отнекивается – просит перестать это делать, слабо защищается – а эта просто стоит, опустив руки после неудачной попытки, и смотрит на него. И взгляд у нее… безразличный, словно это не с ней происходит, а с кем-то другим, на кого она смотрит, скажем, по телевизору.

Да кто на такое вообще может клюнуть?.. – пролетела у него мысль. Пока она одета, так ничего, изящна, хоть и худовата, а как разденешь – никакой фигуры даже нет, одни ребра.

Он снова посмотрел в ее темные, равнодушные глаза.

Внезапно ему стало небывало мерзко, до тошноты – от самого себя, от только что поглощенной еды и от мира в целом. Такое ощущение появилось у него, можно сказать, впервые в жизни, и поначалу было похоже, что это и не его ощущение вовсе – а просто что-то на него нашло внешнее, не имеющее к нему отношения, сглазили как будто.

Девушка, которая в случае насилия над ее волей даже не защищается, а стоит и ждет, что будет дальше – разве это не психическое уродство?

У него опустились руки, и он, тяжело дыша от прошедшего возбуждения, отступил от нее на шаг.

Она же молчала и смотрела на него пустым, чуть хмурым взглядом куклы, будто ее не стало, а душа временно отлетела куда-то, оставив только оболочку, с которой можно сделать все, что захочешь. Ему что-то не понравилось в оболочке? Что ж – странно, ну и ладно, – казалось, говорил этот взгляд. В нем была только бездна обреченности и ровным счетом ничего из того, что могло бы вызывать возбуждение.

Мда, не повезет же кому-то с ней, – пронеслось у него в голове, и он решил как можно скорее ретироваться.

– Э-э… – нерешительно промямлил он, попятившись от нее подальше, – Пойду, что ли, поставлю чайник. То есть, у меня там, кажется, картошка закипает… – он и сам не помнил, что у него происходит на кухне, что было небывалым для него состоянием души. – Застегнись, будь добра, пожалуйста…

Отвернувшись от нее – больше он этого взгляда не хочет видеть – он бочком вышел из гостиной, даже прикрыл за собой дверь, желая отгородиться от произошедшего.

Что его так напугало? Она не знала, но смутно начинала догадываться. У нее даже возникло странное мимолетное ощущение своего могущества – могущества через уродство… Как у серой мышки, которая с помощью шрамов отомстила Королю.

Только ее шрамы были внутри, а не снаружи – но она их продемонстрировала этому человеку, и его возбуждение было прервано. Власть над чужим возбуждением – власть его вызывать или прогонять, как захочешь…

Но эти мысли пришли и ушли. Замедленным движением подняв руку, она застегнула кофту до горла, чуть не защемив себе молнией кожу на шее, и смирно пошла на чердак.

Когда она лежала на кровати, глядя в потолок и пытаясь хотя бы забыть случившееся, хозяин тихонько поскребся к ней, напомнив снова ненавистных ей грызунов.

Она внутренне сжалась, думая, что он оклемался и пришел для продолжения…

Но он, виновато заглянув, только поставил чашку горячего чая и тарелку с печеньем ей на стол и нерешительно замер, напоминая действительно вставшую на задние лапки крысу.

Казалось, ему хотелось что-то сказать, но он не решался. Она тоже молча, с удивлением смотрела на него.

– Люба, ты это… не серчай на меня, – неловко пробормотал он. На лице у него было слегка заискивающее выражение, и, кажется, даже покраснели щеки, как у провинившейся школьницы.

– Я не сержусь, – ответила она. Сердиться ей бы и в голову не пришло. Насилие над ее волей было вполне привычным, и ненавидеть было просто бессмысленно – тогда уж придется ненавидеть весь мир…

Он выскользнул из комнаты, и она прикрыла глаза, пытаясь припомнить свою любимую музыку из «Щелкунчика» – ту, где любимая главной героиней игрушка появляется и храбро прогоняет крыс.

Только голосок из детства в дальнем углу сознания – *нет, нет, нет!* – все еще не считал битву проигранной и был готов воевать. За что и с кем?..

Она закрыла глаза, и под ее веками заметались тени. Поток воспоминаний, который долго сдерживался, хлынул в сопротивляющееся сознание.

Часть 2
Крысы в чулане

Это началось для нее дождливым осенним днем, когда потоки воды текли за окном – казалось, жизнь предупреждала, что ничего хорошего от нее ждать не следует. Любе было двенадцать лет, и она долго сидела на подоконнике, глядя на это безобразие.

И все же даже под дождем – на улице наверняка уж лучше, чем здесь, в четырех стенах… Но гулять их не выпустили.

– Давай упросим Елену Александровну выпустить нас погулять, когда дождь закончится? – предложила ее подруга Аля, невысокая, худенькая и жизнерадостная девочка.

Люба в эту перспективу не слишком верила.

– Неизвестно, когда еще он закончится… Да и сыро там будет.

– Мы дождемся! И наденем резиновые сапожки.

Этот аргумент, конечно, несколько менял дело. Люба грустно пожала плечами. Ей тоже хотелось надеть сапожки и побегать по лужам после дождя – и почему бы не спросить об этом воспитательницу? Однако иногда та отвечала таким неприятным тоном – не то что бы резким, но просто с такими металлическими нотками – и чуткая Люба предпочитала пореже что-либо спрашивать.

– Можем, попробуем попросить, – неуверенно согласилась она.

В самом деле, вырваться из затхлой, душной комнаты, подставить лицо осеннему немного грустному ветру, побегать по подлеску во дворе, разбрасывая листья – было бы очень здорово…

Она сползла с подоконника, задев при этом случайно стоявший на ее прикроватной тумбочке стакан, в который был насыпан мармелад. Мармелад ей принес брат, который был старше ее на пять лет – ему было уже семнадцать лет. Принес и сказал ей, что как только ему исполнится восемнадцать и он покинет приют, он найдет работу, постарается взять ее под опеку и заберет и ее тоже. Люба поделилась с Алей и этой радостью, и мармеладом – подруга была рада за нее, как за себя саму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.